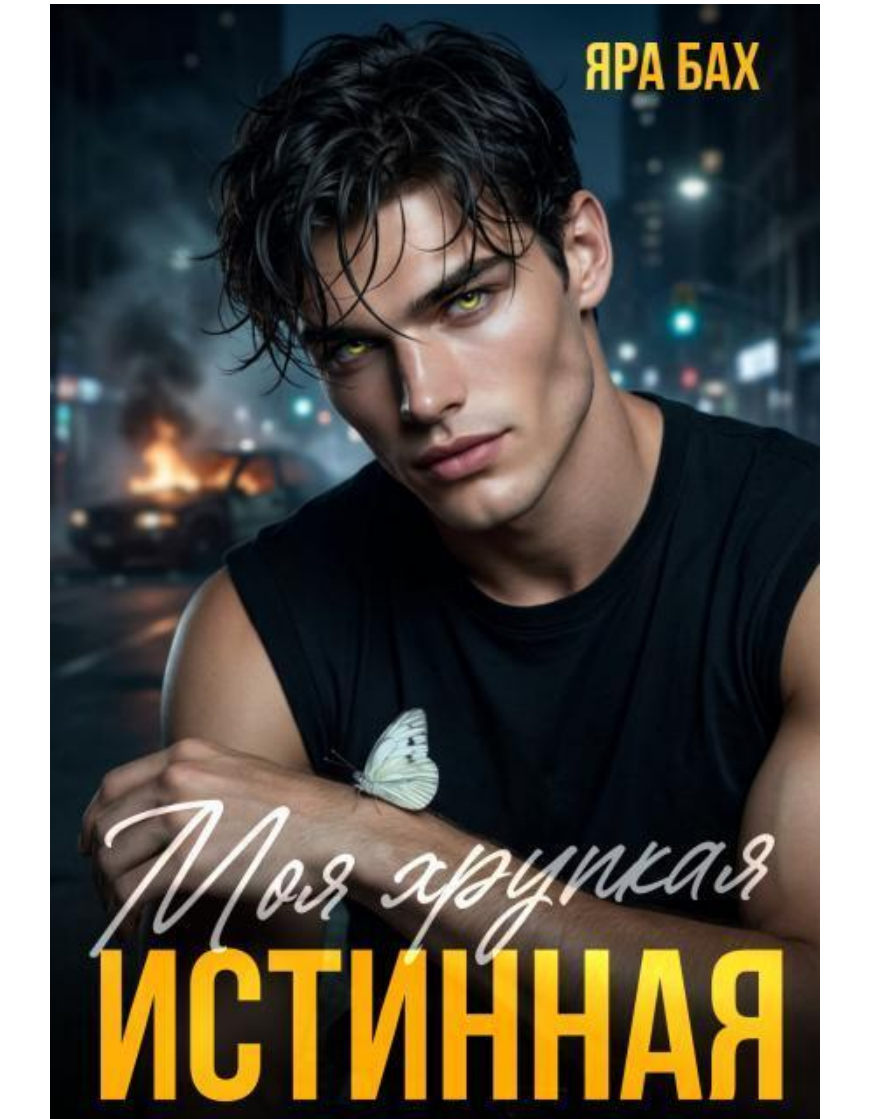

ЯРА БАХ

Моя хрупкая

ИСТИННАЯ

Яра Бах

Моя хрупкая Истинная

<https://litres.ru/74382359>

Аннотация

— Попалась, — хриплый шепот обжигает ухо, а в темноте парка хищно вспыхивают желтые глаза. — Думала, если соврешь про адрес отеля, я тебя не найду?

Это же тот самый парень на красном спорткаре с причала. Тот, от которого я сбежала в конце лета.

Я приехала сюда учиться на архитектора. Мечтала строить мосты, а не становиться чьим-то трофеем. Но элитный университет оборотней оказался его территорией. И он здесь — альфа, которому никто не перечит. Включая меня. **НО ЭТО ТОЛЬКО ЕГО МНЕНИЕ!**

Он хочет сделать меня своей. А я хочу, чтобы он отстал.

В тексте:

Властный Альфа, не знающий слова «нет»

Героиня, которая готова бороться за свою свободу

Истинная связь, ставшая проклятием

Книга читается отдельно.

2 ТОМ: встория Сора и Лены здесь -->-

Содержание

Глава 1. Со вкусом соли	4
Глава 2. Золотой билет	8
Визуалы	13
Глава 3. Чужая территория	17
Глава 4. Его воздух	25
Глава 5. Первый день	30
Глава 6. Цена неповиновения	36
Глава 7. Скорость и кровь	43
Глава 8. Нагота	50
Глава 9. Повсюду	57
Глава 10. Серый волк	63
Глава 11.1 Союзники?	69
Глава 11.2 Союзники	80
Глава 12. Попал по полной	85
Глава 13. Покой	91
Глава 14. Обычный вечер	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Глава 1. Со вкусом соли

Солнце на побережье не просто грело — оно плавало воздух, превращая причал в спящее марево. Асфальт дрожал от жары, и чайки, дуря, орали где-то над волнорезом.

Я сильнее нажала на педали арендованного велосипеда. Мое любимое летнее платье — ярко-желтый «колокол» на тонких бретелях, с глубоким вырезом на спине — взлетало от каждого порыва морского бриза. Мама бы точно сказала, что я выгляжу слишком вызывающе для «волчьей» территории, но сегодня мне хотелось быть экзотической принцессой, а не послушной дочкой госслужащей. Одиннадцать школьных лет закончены, и это был мой первый отдых на море. Когда если не сейчас?

Желтые сандалии на квадратном каблуке уверенно упирались в педали. Я чувствовала себя чертовски привлекательной и свободной.

Я затормозила у самого края пристани. Лакированные борта яхт бликовали на солнце, рассыпая тысячи искр по воде. Пахло водорослями, рыбой и дорогим парфюмом — от этого смешения у меня слегка закружилась голова, и захотелось уехать обратно в отель. Но вместо этого я достала телефон, чтобы запечатлеть эту эстетику.

Стоило поднять камеру, как по позвоночнику пробежал мороз.

Красный спортивный автомобиль с откидным верхом.

Он двигался за мной почти от самого отеля. Медленно, бесшумно, как хищник, который не торопится настичь добычу. Пульс ускорился, ладони на руле стали влажными. Я запретила себе оборачиваться. Решила игнорировать, надеясь, что водитель быстро потеряет интерес. Просто какой-то богатый бездельник катается вдоль моря, высматривая красивых девушек.

Однако машина остановилась ровно напротив меня.

Воздух на набережной мгновенно стал тяжелым. Парни-туристы, которые еще минуту назад бросали на меня заинтересованные взгляды, вдруг резко засуетились и буквально испарились. Один, самый смелый, дернулся было в мою сторону, но взглянул на спорткар и передумал — быстро зашагал прочь, даже не оглядываясь.

Я осталась одна.

Водитель не выходил. Он просто наблюдал.

Я заставила себя обернуться. Мое сердце пропустило удар и пустилось в безумный пляс, когда я встретилась с ним взглядом.

Он был пугающе, порочно красив. Темные растрепанные волосы, литой разворот плеч в черной майке, обтягивающей рельеф мышц. Но главное — глаза. Яркие, светящиеся изнутри расплавленным янтарем. Они смотрели на меня в упор, не моргая, и в них не было ни капли человеческого.

Оборотень. И судя по тому, как попятились местные, —

из очень непростой семьи.

— Эй, — его голос, низкий и вибрирующий, прошелся по моим нервам раскаленным металлом. — Иди сюда.

Это не была просьба. Это был приказ вожака, привыкшего, что мир вращается вокруг него. Колени дрогнули. Я физически ощутила, как невидимая сила тянет меня к нему, и это было страшнее, чем если бы он схватил меня руками. Ноги сделали полшага сами, прежде чем я опомнилась.

— Простите, я... мне пора. Я туристка, — я судорожно запахнула телефон в сумочку, чувствуя, как немеют пальцы. Голос прозвучал жалко, тонко.

— Я вижу, кто ты, — его губы тронула ленивая, хищная усмешка. Он медленно скользнул взглядом по моей открытой спине, по ключицам, по губам, и мне показалось, что он коснулся меня физически. — Где остановилась?

Страх парализовал легкие. Мы, люди, знали: вызывать интерес у таких парней — значит подписать себе приговор. Они опасны. Они не знают границ. Они берут то, что хотят, а потом выбрасывают, как только надоест.

— В районе двадцать шестой остановки, у побережья, — выпалила я первую пришедшую в голову ложь.

На самом деле наш отель был у тринадцатой. Почти на другом конце города.

Его зрачки на мгновение расширились, поглощая янтарь радужки. Он чуть склонил голову набок, будто прислушиваясь к чему-то, и я затаила дыхание. Запах озона и дорогого

парфюма ударил в нос, вытесняя запах моря.

— Еще увидимся, принцесса, — он подмигнул мне, и в этом жесте было столько самоуверенности, что мне захотелось бежать без оглядки.

Рев мощного мотора оглушил. Красная машина сорвалась с места, оставив после себя лишь облако пыли и вибрирующий в воздухе страх.

Я стояла, вцепившись в руль велосипеда до судороги в костяшках. Солнце всё так же слепило, чайки орали, яхты покачивались на волнах, но мир изменился. Я больше не чувствовала себя принцессой. Я чувствовала себя бабочкой, которую только что прикололи булавкой к коллекции.

Он знает, что я соврала. Я видела это по его глазам.

Я спрячусь. Уеду домой, и мы больше никогда не встретимся.

Эту ложь я повторяла себе всю дорогу до отеля. И почти поверила в нее.

Но в груди поселился холодок, который не уходил, сколько я ни пыталась его растопить. Как будто он оставил во мне часть себя.

Глава 2. Золотой билет

Весь оставшийся отпуск я провела в состоянии затянувшегося приступа паранойи.

Каждый раз, когда мимо нашего отеля с ревом проносился мотоцикл или спортивный автомобиль, мое сердце совершало кульбит и проваливалось куда-то в район желудка. Ладони мгновенно становились липкими, а во рту появлялся металлический привкус страха. Я замирала посреди улицы с пакетом фруктов, прислушиваясь к удаляющемуся звуку, и ловила на себе недоуменные взгляды мамы.

— Май, ты не в розыске, — шутила она. — Расслабься, мы на отдыхе.

Я перестала брать велосипед. Ходила только пешком и только там, где много людей. Желтое платье — то самое, в котором я щеголяла по набережной в первый день — отправилось на дно чемодана. Теперь оно казалось мне не желанным нарядом, а мишенью. Слишком яркой. Слишком заметной.

— Девочка соскучилась по дому, — ставила диагноз мама подруга тетя Света, когда я отказывалась идти с ними на ночную дискотеку.

Они не видели тех золотых глаз. Не чувствовали той удушающей власти, которая исходила от незнакомца в красном спорткаре. Не слышали, как он сказал: «Иди сюда» — так,

что ноги перестали слушаться.

Я думала об этом даже в самолете на пути домой. Я сидела у иллюминатора, смотрела, как внизу уплывает полоска побережья, и пыталась убедить себя, что все закончилось. Что тот парень в красном спорткаре — просто случайность. Местный мажор, который развлекался тем, что пугал туристов. Таких полно на любом курорте.

Но тело отказывалось верить.

Дома, в нашем небольшом городке, окруженном сосновыми лесами, жизнь быстро вошла в привычное русло. Я уехала к бабушке — в ее старый дом с верандой, увитой диким виноградом. Там пахло яблоками, нагретой за день древесиной и мятой, которая росла прямо под окнами.

Август я провела, сражаясь с сорняками и уничтожая запасы малины — это была моя терапия. Пока сверстницы выкладывали в сторис коктейли, я по вечерам чертила до ломоты в пальцах. Страсть к архитектуре требовала выхода.

Я мечтала строить не типовые коробки ЖК, а нечто вечное. Мосты, которые соединяют миры. Дворцы, которые простоят столетия. Бабушка, проходя мимо, только вздыхала.

Еще в начале июля я подала документы в два лучших технических вуза нашей страны. А в середине месяца, подавшись минутному порыву, отправила электронную заявку в Международный Университет Архитектуры и Дизайна.

Тот самый, что находился на территории оборотней.

Я сделала это ночью, когда не спалось. Сидела с ноутбуком на веранде, слушала сверчков и думала: а почему бы нет? Все равно не возьмут. Шансы у человека туда поступить — один на миллион. Квоты мизерные, конкурс бешеный. Но именно там преподавали легенды, чьи имена были вписаны в историю.

Я заполнила анкету, прикрепила портфолио и нажала «отправить», даже не перечитывая.

А в конце августа пришло письмо.

Курьер появился у калитки в самое пекло — бабушка как раз поливала грядки и чуть не уронила шланг от неожиданности. Мужчина в строгой темно-синей форме, с нашивкой, которую я не разглядела, протянул мне плотный конверт из кремовой бумаги.

Никаких марок. Только сургучная печать с тиснением в виде волчьего оскала.

Пальцы задрожали еще до того, как я сломала печать.

«Уважаемая Майя Антоновна, приемная комиссия Международного Университета Архитектуры и Дизайна рассмотрела ваше портфолио. Мы рады сообщить, что вы зачислены на факультет Высотной Архитектуры с предоставлением полной стипендии имени Архитектора Сейлера...»

Дальше я не читала. Слова расплывались перед глазами.

— Майя? Кто это? — бабушка подошла, вытирая руки о фартук. — Ты чего такая бледная?

Я подняла на нее глаза и, кажется, впервые в жизни не

нашлась, что сказать.

— Я поступила, ба. В тот университет. У оборотней.

Вечером собрали семейный совет. Мама приехала сразу после работы, даже не переодеваясь, так и сидела на кухне в блузке с нашивкой госслужбы, вертя в руках конверт.

— Это ж такой шанс! — говорила она, и глаза у нее горели. — Ты понимаешь, Майя? Полная стипендия! А если сам Сейлер будет тебе покровительствовать, то для тебя все двери будут открыты!

— На территории оборотней, — тихо напомнила я.

— Ну и что? — мама отмахнулась. — Они такие же студенты. Ты же у меня не за красивые глазки, а за способности получила это место. Прорвешься.

Бабушка подливала чай с мятой и согласно кивала, хотя я видела, как она украдкой поплевала через плечо и стучала по три раза по столу.

Я смотрела на них и молчала.

Как объяснить им, что мое тело до сих пор помнит тот запах? Что иногда я просыпаюсь по ночам и мне кажется, что в комнате пахнет грозой и морем? Как сказать, что интуиция, которая ни разу не подводила меня, сейчас буквально вопит об опасности?

— У тебя даже мальчика нет, — добавила мама, мягко улыбаясь. — Никаких привязанностей, только учеба. Ты ведь сама этого хотела. Только фрески и чертежи, помнишь? Да. Только фрески и чертежи.

Я посмотрела на сургучную печать — волчий оскал на столе тускло блестел в свете лампы — и глубоко вздохнула.
— Хорошо. Я поеду.

Ночью я долго не могла уснуть. Лежала на скрипучей бабушкиной кровати, смотрела в потолок, где плясали тени от проезжающих машин. Где-то в груди всё ещё пульсировал тот холодок, который он оставил. Я прижимала ладонь к сердцу, пытаюсь его унять. Я, верно, сошла с ума.

Но билеты были уже куплены.

Визуалы

Прекраснейшие читательницы! Посмотрим на нашего Альфу :) Майю покажу чуть позже.

Что за глазки, что за скулы!

Глава 3. Чужая территория

Две недели до отъезда пролетели в лихорадочном темпе.

Я паковала чемоданы, стараясь предусмотреть всё. Погода на территории волков, как я вычитала на форумах, славила своей непредсказуемостью: холодные туманы с гор могли смениться палящим солнцем за считанные минуты, а дожди там вообще шли по расписанию, которого никто не знал.

Мои яркие летние платья отправились вглубь шкафа, их место заняли плотные джинсы, кашемировые свитеры и строгое графитовое пальто. Я перебирала вещи, сворачивала их аккуратными рулонами, и поймала себя на мысли, что строю вокруг себя крепость. Из одежды. Из учебников. Из списков необходимого.

— Ты так старательно собираешься, — усмехалась мама, заглядывая в комнату.

Я только пожимала плечами.

Желтое платье — то самое — я нашла на дне шкафа, когда перетряхивала старые вещи. Оно лежало ярким пятном среди серых и черных тканей, и у меня внутри что-то дернулось. На секунду я представила, как надеваю его снова. Как иду по аллее, ветер раздувает подол, а он смотрит...

Я замерла с платьем в руках.

О ком я думаю?

Я резко засунула платье обратно, закрыла шкаф и больше

не открывала его до отъезда.

Прощание в аэропорту было долгим и слезливым.

Мама держалась молодцом, только глаза блестели подозрительно. Она давала наставления — не гулять допоздна, не пускать незнакомцев в комнату, сразу звонить, если что.

— Мам, там общежитие, — перебила я. — Там комендант, охрана...

— Да знаю я, знаю, — она взяла мое лицо в ладони. — Просто будь осторожна, ладно? Они другие. Сильнее. И у них иные законы.

Бабушка молча сунула мне в карман куртки что-то мягкое, зашитое в холщовую тряпицу.

— Оберег, — шепнула она. — Специальные травки и аметист в центре... Носи всегда с собой.

Я хотела сказать, что не верю в обереги. Что я человек науки, и вся эта магия — не для меня. Но бабушка так смотрела... Что я просто кивнула и оставила оберег в кармане.

Пусть лежит.

Перелет занял три часа. Я сидела у окна, смотрела, как внизу проплывают облака, и пыталась не думать. Не вспоминать. Не гадать, увижу ли я его снова.

Утешала себя тем, что кампус огромный. Тысячи студентов. Маловероятно, что он тоже учился там, и тем более, что мы столкнемся.

На границе нас, людей, пропускали отдельно. Отдельная стойка, отдельный контроль, отдельные внимательные взгля-

ды пограничников, у которых в глазах на секунду вспыхивал желтый огонек.

Я протянула документы, стараясь не дрожать. Девушка в форме — красивая, с идеальной кожей и слишком острыми скулами — изучала мою визу так долго, что я начала потеть.

— Цель визита? — спросила она, не поднимая глаз.

— Учеба. Университет Архитектуры.

— Человек, — констатировала она, и в этом слове не было ничего, кроме факта. Но почему-то от него по спине пробежал холодок. — Проходите.

И вот я здесь.

Кампус поражал воображение.

Старинные готические здания из темного камня, с острыми шпилями и витражами, соседствовали с ультрасовременными корпусами из стекла и металла. Между ними петляли широкие аллеи, выложенные брусчаткой, росли вековые дубы и клены, и воздух был... другим. Более плотным. Пахнущим влажным лесом, дождем и чем-то неуловимо диким, от чего по коже бежали мурашки.

Я стояла с чемоданом посреди главной площади, задрала голову, и чувствовала себя муравьем. Маленьким, незаметным, чужим.

— Провожаешь кого-то? — раздалось рядом.

Я вздрогнула и обернулась.

Парень в форме волонтера — ярко-зеленая жилетка поверх толстовки — смотрел на меня с любопытством. Обыч-

ный, на первый взгляд. Русые волосы, веснушки на носу. Человек.

— Я... первокурсница, — выдохнула я.

— О, — он улыбнулся. — Человек? Я тоже. Давай помогу с чемоданом. Ты в какое общежитие?

Мы пошли по аллее, и он рассказывал — быстро, весело, явно радуясь возможности поболтать. Что кампус поделен на две части, человеческую и... не совсем. Что оборотни в основном держатся своей стаей, но бывают нормальные. Что на первых порах главное — не лезть, не спорить и не смотреть в глаза.

— В глаза особенно, — добавил он понизив голос. — Для них это вызов. Особенно если альфа.

У меня внутри похолодело.

— А... кто здесь альфа? — спросила я как можно безразличнее.

Парень пожал плечами.

— На факультетах по-разному. Есть старшекурсники, есть местные «короли». Ты на каком?

— Архитектура.

Он присвистнул.

— О, тяжело тебе будет. Там же Северские заправляют. Древний род, сама понимаешь. Держатся особняком, людей не жалуют. Но если глаза им не мозолить, может, пронесет. Северские.

Я запомнила эту фамилию, и она осела где-то в груди тя-

желым холодным камнем.

Меня поселили в женское общежитие на третьем этаже. Комната оказалась маленькой, но светлой: две кровати, два стола, шкаф и окно, выходящее в парк.

Моя соседка уже была там.

Она сидела на кровати, поджав ноги, и читала учебник. Тихая, незаметная девушка со светлыми волосами и испуганными глазами.

— Лена, — представилась она, когда я вошла. — Ландшафтный дизайн. Тоже человек.

Мы быстро распределили полки в шкафу, перекинулись парой фраз о дороге и разошлись по углам. Она уткнулась в учебник, я приступила разбирать вещи. Тишина между нами была тяжелой.

Ближе к вечеру стены комнаты начали давить.

Я сидела за столом, перебирала бумаги, но мысли разбегались. Воздух здесь был спертый, чужим. Хотелось на улицу, вдохнуть тот самый дикий запах, который так взбудоражил меня днем.

— Я пройдуся, — сказала я Лене.

Она кивнула, даже не подняв головы.

Я надела легкую куртку, сунула в карман телефон и вышла.

Сумерки уже опустились на университетский городок, окрашивая все в сине-серые тона. Дорожки парка были пустынные, фонари почему-то еще не зажглись, и только свет из

окон корпусов разгонял темноту.

Я дошла до кофейни на окраине кампуса — маленького деревянного домика с яркой вывеской «Черный лес». Купила стаканчик горячего какао и присела на лавочку рядом.

Запах шоколада немного успокоил нервы.

Я сидела, грела руки о стаканчик, смотрела на темнеющие верхушки деревьев и думала: «Ничего. Первый день всегда самый страшный. Потом втянусь. Найду друзей. Буду учиться. Все будет хорошо».

Внушать себе я умела виртуозно.

Допив какао, я поднялась и пошла обратно через старую часть парка. Там было темнее, деревья смыкались над головой, создавая живой коридор. Тишина стояла абсолютная — ни пения птиц, ни звуков машин. Только шуршание гравия под подошвами.

Внезапно воздух вокруг меня словно наэлектризовался.

Волоски на руках встали дыбом. Запах моря — тот самый, который я пыталась забыть весь август — вдруг возник из ниоткуда, смешиваясь с тяжелым ароматом грозы и хвои.

Я замерла.

В нескольких шагах впереди, прямо посреди дорожки, стоял высокий мужской силуэт.

Мое сердце сделало болезненный толчок и провалилось куда-то вниз. Я узнала бы эту фигуру из тысячи. Широкие плечи, хищная посадка головы, манера стоять неподвижно, как скала.

В темноте вспыхнули два янтарных круга.

Они горели так ярко, что я видела в них свое отражение — дрожащую девчонку со стаканчиком какао в руках.

— Ну привет, туристка, — голос, низкий и вибрирующий, прошелся по моим нервам раскаленным металлом. — Долго же я тебя ждал.

Стаканчик выпал из рук. Горячая жидкость темным пятном расплылась по гравию.

Я хотела закричать, но горло сковал спазм. Хотела бежать, но ноги приросли к земле.

— Ты... — выдохнула я, пятясь назад.

Сделала шаг, другой — и уперлась спиной в холодный, шершавый ствол старого дуба.

Он двинулся ко мне. Медленно. Не спеша. Наслаждаясь.

— Я, — он сделал шаг из тени, и лунный свет подчеркнул острые скулы и опасную усмешку. — Думала, вранье про двадцать шестую остановку тебя спасет? Глупая маленькая принцесса. Оборотни различают запах лжи.

Он остановился в полуметре. Близко. Слишком близко.

— И уж точно не отпускают то, что принадлежит им по праву.

Я чувствовала жар, исходящий от его тела. Запах грозы стал невыносимым, заполнил легкие, затуманил голову.

— Я здесь по учебе, — выдавила я, и голос предательски дрогнул. — Не трогай меня! Ты не имеешь права...

— Мои возможности здесь не ограничены, а у тебя есть

только одно право, Майя, — он склонился к моему уху, обжигая кожу горячим дыханием. — Право принадлежать мне.

Я дернулась, пытаясь выскользнуть, но его рука легла на ствол рядом с моим плечом, запирая в ловушку.

— Добро пожаловать домой.

Глава 4. Его воздух

Его слова ударили наотмашь, выбивая из легких остатки воздуха. «Принадлежать». Это слово в его исполнении звучало как смертный приговор, облаченный в бархат вкрадчивого голоса.

— Я не вещь, — выдохнула я, вжимаясь спиной в кору дуба. — И я не твоя.

— Не моя? — он усмехнулся, и от этой усмешки по коже побежали мурашки. — Ты правда в это веришь, Майя?

Он не касался меня, но я чувствовала каждую линию его тела — так близко он стоял. Широкая грудь, перекаты мышц под тонкой тканью футболки. Запах грозы и моря заполнил легкие, вытесняя кислород.

— Мы на территории университета, — я пыталась говорить твердо, но голос предательски дрожал. — Я здесь нахожусь легально, и мои права по-прежнему защищает государство...

— Здесь действуют мои законы, — перебил он жестко. — И мое право на тебя закреплено кровью.

Сердце грохнуло так, что на миг потемнело в глазах. Я судорожно сглотнула, пытаюсь сбить дыхание, но воздух застревал в горле колючим комом.

Я не поняла, что значит «закреплено кровью», но спрашивать побоялась. В его янтарных глазах плескалось что-то

первобытное, нечеловеческое. Хищник, который загнал добычу и теперь наслаждался моментом.

— Я приехала сюда учиться. Я не буду тебя тревожить, я никому не расскажу даже о том, что мы знакомы. Давай просто разойдемся и пойдем каждый своей дорогой.

— Учиться, а не греть постель альфе? Собралась делать вид, что не имеешь ко мне никакого отношения? — в его голосе скользнула насмешка. — Поздно, принцесса. Твой поезд ушел в тот момент, когда ты вышла на тот причал в желтом платье.

Я вздрогнула. Он запомнил даже цвет платья.

— Я просто отдыхала. Я не хотела...

— Ты все поняла уже тогда, — он шагнул ближе, и теперь между нами не осталось даже призрачной свободы. Его рука легла на ствол рядом с моим плечом, запирая в ловушку. — Ты чувствовала, иначе зачем соврала про адрес?

Воздух кончился. Я втянула носом порцию его запаха и поняла, что колени становятся ватными. Пришлось вцепиться свободной рукой в складку собственной куртки, чтобы не потерять равновесие.

Я молчала, потому что крыть было нечем. Соврала — значит, испугалась. Испугалась — значит, поняла, что это не просто случайная встреча.

— Скажи спасибо, что я не закрыл тебя в своем доме еще в августе, — его голос упал до хриплого шепота, обжигающего кожу. — Я дал тебе свободу. И чем ты отплатила?

— Я ничего тебе не должна, — выдохнула я, собирая остатки смелости.

— Ошибаешься. — Его пальцы скользнули по моей щеке, и от этого прикосновения по позвоночнику пробежал разряд. Холод перчаток и жар его тела — безумная смесь.

Я дернулась, пытаюсь убрать его руку, но он перехватил мое запястье. Не больно, но так, что вырваться невозможно.

— Посмотри на меня, — приказал он.

Я подняла глаза. Встретилась с его светящимся взглядом и поняла, что тону. Проваливаюсь в этот янтарь без надежды выбраться.

— Ты. Моя. Истинная, — сказал он отдельно, чеканя каждое слово. — По крови. По запаху. По праву сильнейшего. Ты можешь брыкаться, кусаться, убегать. Можешь ненавидеть меня всем сердцем. Это ничего не изменит.

— Почему ты так уверен? — прошептала я.

Он усмехнулся — хищно, довольно.

— Потому что я — Северский. Потому что здесь каждый знает мое имя и что оно несет. И потому что ты, Майя, уже моя. Даже если твой глупый человеческий разум еще не принял этого.

Он отпустил мое запястье и отступил на шаг. Сделал глубокий вдох, будто выпивал мой запах.

— Иди в свою комнату. Спи. Привыкай к мысли, что завтра ты проснешься в моем мире. Будешь ходить по моей земле. Дышать моим воздухом.

— Это не твой воздух, — выдохнула я с вызовом.

— Воздух, которым дышишь ты, — автоматически становится моим, — парировал он. — Так работает связь. Ты еще поймешь.

Я хотела возразить, но он вдруг сократил расстояние и склонился к моему уху. Горячее дыхание обожгло кожу, и я замерла, боясь пошевелиться. По позвоночнику прострелило ледяной молнией, а следом — жаром. Мелкая дрожь пробежала по рукам, и я стиснула зубы, чтобы они не застучали. А сердце билось где-то в горле, мешая дышать.

— Я долго ждал тебя, Майя, — прошептал он. — Очень долго. И теперь не отпущу. Запомни это раз и навсегда.

Он отстранился, и я наконец смогла вдохнуть полной грудью. Слезы застилали веки, но это была не слабость, а всепоглощающая злость. А когда проморгалась — его уже не было. Только тени парка и мое бешено колотящееся сердце.

Я стояла, прижатая к дубу, и не могла пошевелиться. Только когда поняла, что он действительно ушел, ноги подкосились окончательно. Пришлось опереться ладонями о колени и несколько раз глубоко вдохнуть, чтобы мир перестал плыть перед глазами. Руки тряслись.

Бабушкин оберег в кармане жег бедро короткими импульсами, возвращая к реальности.

— Он наиграется и передумает, — прошептала я. — И я продолжу свою обычную жизнь.

Но запах грозы и моря все еще висел в воздухе, въедался

В ВОЛОСЫ, В ОДЕЖДУ, В КОЖУ.

Глава 5. Первый день

Первое учебное утро встретило меня звоном будильника и липким ощущением нереальности. В голове всё ещё стоял хриплый шепот Северского, а на коже отпечатались его пальцы. Запах грозы и моря вёлся в каждую клетку — я чувствовала его даже сквозь ледяную воду душа.

Я натянула свои самые скучные джинсы и бесформенный серый свитер. Волосы стянула в тугий узел. Посмотрела в зеркало: на меня смотрела бледная девушка с темными кругами под глазами и плотно сжатыми губами.

«Идеально, — подумала я. — В таком даже альфа меня не заметит».

Кампус казался гигантским, старинные готические шпили упирались в низкое небо, а стеклянные корпуса современного крыла отражали хмурые облака.

Я шла быстро, почти бежала, стараясь не смотреть по сторонам, но краем глаза всё равно выхватывала лица. Оборотни. Их было много. Они двигались иначе, чем люди: плавно, текуче, хищно.

Аудитория поражала воображение. Огромный зал с высокими сводами, витражами, сквозь которые лился приглушенный свет, и рядами тяжелых дубовых столов. Все здесь пахло волками. Я поежилась и нырнула на третий ряд, подальше от прохода.

Лена уже сидела там, вжавшись в стул. Она даже не поздоровалась, только скосила на меня испуганные глаза.

— Ты видела расписание? — шепнула она одними губами.

— Нет. А что там?

Она не успела ответить.

Двери аудитории распахнулись с таким грохотом, будто в них ударили тараном. Звук эхом прокатился под сводами, и в зале воцарилась мертвая тишина.

Северский вошел не один. За его спиной двигались двое — такие же рослые, с той же хищной грацией, но они были лишь фоном. Он же был центром.

Черная футболка обтягивала каждый бугорок мышц, тяжелые ботинки чеканили шаг. Он не шел — он вступал во владения, сканируя пространство ленивым, уверенным взглядом собственника. Свет витражей скользнул по его лицу, выделив острые скулы, жесткую линию челюсти и глаза, в которых горел расплавленный янтарь.

Я замерла. Сердце дернулось и пропустило удар, а потом пустилось в такой бешеный галоп, что в ушах зашумело. Я сжала пальцами край стола до побелевших костяшек, приказывая себе опустить глаза.

Но его взгляд уже нашел меня.

Это было физическое ощущение — будто меня накрыло горячей, тяжелой волной. Воздух в легких кончился, грудь сдавило. Янтарные глаза впились в мои, и мир исчез. Я тонула в них, проваливалась, теряла себя.

— Майя! — Ленин шепот ворвался в уши словно порыв зимнего ветра. — Не смотри на Дамиана! Глаза в тетрадь, быстро!

Я с трудом отвела взгляд, уставившись в чистый лист. Руки тряслись. Казалось, я физически чувствую, как он продолжает сверлить меня глазами, чувствую жар его внимания на своей коже. Между лопатками выступил липкий пот, хотя в аудитории было прохладно.

— Почему? — выдохнула я одними губами, не смея поднять головы.

— Это Дамиан Северский. Альфа первой крови, — голос Лены срывался. — Он ненавидит, когда люди смотрят ему прямо в глаза. Для него это вызов... Он ломает тех, кто пытается быть на равных.

Я кивнула, не в силах произнести ни слова. Перед глазами все еще стояла картинка: яркое пламя глаз, сжигающего меня заживо.

Лекция началась. Профессор — сухой седой оборотень с цепким взглядом — вещал о сопромате, о расчетах нагрузок, о великих архитекторах прошлого. Я не слышала ни слова. Все мое существо было настроено на одну частоту: на него.

Я слышала, как он дышит. Ровно, глубоко, спокойно. Где-то позади меня, может быть, через два ряда. Я слышала, как перелистывает страницу блокнота, как скрипит ручка. Я чувствовала его запах — озон и соль, тяжелый, дурманящий. От этого запаха низ живота сводило сладкой судорогой, и я

ненавидела себя за эту реакцию.

Каждая моя клетка вибрировала в ответ на его присутствие. Это было неправильно, чудовищно. С каждой минутой, проведенной в одном помещении с ним, жар усиливался и возбуждение поднималось выше. Возможно, если бы я коснулась себя там, то меня бы затопил удушливый, мерзкий оргазм.

Когда прозвенел звонок, я вскочила, как ошпаренная. Схватила сумку, запихивая в нее тетради, и рванула к выходу, не разбирая дороги. Я лавировала между студентами, толкаясь, не извиняясь. Мне нужно было на воздух. Туда, где нет его запаха, его взгляда, его власти надо мной.

— Майя, подожди! — крикнула Лена, но я уже вылетела на крыльцо.

Холодный, влажный воздух ударил в лицо. Я вдохнула глубоко, пытаюсь унять дрожь в коленях. Студенты растекались по аллеям парка, но я стояла, вцепившись в перила, и не могла надышаться.

— Ты такая пугливая.

Голос ударил в спину, и я подпрыгнула от неожиданности. Резко обернулась.

Дамиан стоял, прислонившись к колонне у входа, скрестив руки на груди. Расслабленная поза, ленивая усмешка на губах, но глаза горели тем самым голодным, хищным огнем, от которого подкашивались ноги.

— Сильно же ты запыхалась, принцесса, — протянул он.

— Я думал, ты выносливее. Нелегко тебе придется.

— Чего ты хочешь? — выпалила я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. Получилось жалко, тонко, почти по-детски.

Он оттолкнулся всем телом от колонны и шагнул ко мне.

Один шаг.

Второй.

Я попятилась, и внезапно полетела вниз. Ступени...

Он сверх быстро подлетел ко мне и схватил за талию, прижав так тесно, что ритмы наших сердец ощущались на коже.

— Чего я хочу? — он склонил голову набок, разглядывая меня, как экзотическую бабочку. — Я хочу, чтобы ты перестала убегать, Майя. Это утомляет.

— Отпусти меня, — попыталась двумя руками оттолкнуть его от себя, но он не сдвинулся и на миллиметр.

Тот же запах. Тот же жар. Тот же невыносимый озноб внутри. Запах грозы и соли заполнил легкие, вытесняя кислород, вытесняя мысли. В глазах снова начало темнеть.

— Сегодня в семь, — сказал он тихо, слишком твердо. — Ты должна стоять на крыльце общежития.

— Нет, — выдохнула я, глядя в его янтарные глаза, понимая, что выбора уже нет.

Он усмехнулся, и в этой усмешке было столько самоуверенной силы, что меня затрясло.

— Твое тело уже скучает. Оно жаждет подчиниться.

Его пальцы, затянутые в черную кожу перчаток, коснулись моего подбородка. Легко, почти невесомо, но по коже словно

ударило током. Я дернулась, но он не отпустил, заставляя смотреть ему в глаза. Большим пальцем он медленно провел по моей нижней губе, и я перестала дышать. Внизу живота вспыхнуло, разливаясь тягучим жаром.

Это было страшно. Это было сладко. Это было неправильно.

— И оденься удобно, — его голос звучал как обещание греха.

— Что ты задумал? — прошептала я, едва шевеля губами.

— Увидишь, — он отпустил меня и отступил на шаг. Воздух снова хлынул в легкие, но вместе с ним пришло чувство потери.

Он развернулся и ушел, даже не взглянув на меня. А я осталась стоять, вцепившись в холодные перила, и смотрела, как он удаляется. Широкая спина, хищная походка, уверенность в каждом движении. Он даже не обернулся.

Мое сердце билось где-то в горле. Колени дрожали. Внизу живота все еще пульсировало тошнотворно-сладкое тепло. Я ненавидела себя за эту реакцию, но ничего не могла с собой поделать.

Глава 6. Цена неповиновения

Я смотрела на часы, и каждая секунда отдавалась в висках ударом кувалды. Без десяти семь.

— Майя, не ходи, — Лена сидела на кровати, обняв себя за плечи. Ее трясло. — Ты не понимаешь, во что вляпалась. Северские — это не фамилия. Это приговор.

Я затягивала шнурки на кроссовках, чувствуя, как пальцы леденеют.

— У меня нет выбора, Лена. Иначе он придет сюда.

— Мой отец работает на их заводе, — она подняла на меня полные ужаса глаза. Пальцы ее побелели, вцепившись в край кровати. — Он рассказывал... Северские контролируют всё. Каждая тонна груза, каждая дорога в этой стране принадлежит им. Ничего не пересекает границу без подписи его отца. Они — хозяева этой земли. А Дамиан... он самый безумный из них. До этого года его интересовали только нелегальные гонки. Он жил на скоростях, от которых обычный человек сходит с ума. Он никогда не учился. И то, что он сейчас здесь, в аудитории... — она осеклась, глядя на меня с жалостью. — Майя, ты правда думаешь, что человека с твоим происхождением взяли на полную стипендию Сейлера просто за оригинальные чертежи?

Холод, начавшийся в кончиках пальцев, мгновенно добрался до сердца. К горлу подступила тошнота. Я судорожно

сглотнула, пытаюсь удержать в себе ужин.

— О чем ты?

— В этом университете не бывает случайностей, — прошептала Лена. — Гранты такого уровня не раздают «людям с улицы». Тебя не зачислили, Майя. Тебя купили.

Мир качнулся. Воздух стал густым, я пыталась вдохнуть — и не могла. Письмо с сургучной печатью, восторг мамы, бабушкины слезы — всё это в одно мгновение превратилось в грязный фарс. Я была не талантливым архитектором. Я была лотом на закрытом аукционе, который Дамиан Северский выиграл еще в августе.

Я вышла из общежития на неслушающихся ногах. Сумерки сгустились, превращая кампус в лабиринт из теней. И он уже был там.

Черный матовый байк рычал у подножия лестницы, как изголодавшийся зверь. Дамиан сидел на нем, расслабленно откинувшись назад.

На нем была кожаная куртка, от всего его вида веяло опасностью и запредельными деньгами.

Сердце пропустило удар. Нет, не пропустило — просто остановилось, а потом пустилось в такой галоп, что в ушах зашумело.

Он медленно поднял зеркальный визор шлема. Глаза горели золотом — торжествующим, липким, собственническим.

Я стояла на ступенях, и мне казалось, что земля уходит

из-под ног. Каждое слово Лены звенело в ушах похоронным маршем по моим амбициям.

— Это ты сделал? — мой голос сорвался на хрип. — Моё зачисление. Грант Сейлера. Ты всё это купил, Северский?

Дамиан не ответил сразу. Он лишь медленно, с какой-то извращенной грацией откинул подножку байка и лениво усмехнулся.

— Купил? — переспросил он, и в его голосе скользнула насмешка. — Нет, принцесса. Я просто позвонил. Твои чертежи даже не смотрели.

Внутри меня что-то оборвалось. Кровь прилила к лицу, но не от стыда, а от обжигающей, черной ярости. Я сделала шаг вниз, сокращая дистанцию.

— Значит, подарок, — прошептала я, стараясь, чтобы губы не дрожали. — Огромное спасибо, Альфа. Я ведь даже не знаю, как тебя благодарить.

Я подошла вплотную. От него пахло раскаленным металлом и тем самым штормом, который теперь бушевал внутри меня. Я протянула руку и почти ласково коснулась холодного пластика его шлема.

— Сними его, Дамиан, — мой голос стал мягким, обволакивающим, как патока. — Я хочу посмотреть тебе в глаза и поблагодарить.

Он замер. Секунда, другая — и он послушался. Медленным, уверенным движением он стянул шлем, встряхнув копной темных волос. Его взгляд обжигал.

— Ну же, принцесса, — пророкотал он, склоняясь ко мне.
— Слушаю.

Я не дала ему договорить. Вложив в удар всю свою обиду, весь страх и всё разрушенное будущее, я наотмашь хлестнула его по лицу.

Звук пощечины в тишине кампуса прозвучал как выстрел. Его голова дернулась в сторону. На скуле мгновенно проступил багровый след от моих пальцев. В воздухе запахло озоном так сильно, что заискрило в глазах.

Я ждала, что он ударит в ответ. Ждала, что придушит. Но Дамиан медленно, пугающе медленно повернул голову обратно. На его губах застыла жуткая, хищная улыбка, а зрачки расширились, почти полностью затопив янтарь чернотой.

— Смело, — выдохнул он, и в его голосе послышалось низкое, звериное рычание. — Очень смело для маленькой человеческой самки.

Он внезапно подался вперед, впечатывая меня спиной в холодную каменную колонну общежития. Его рука, затянута в черную кожу, сжалась на моей шее — не перекрывая воздух, но напоминая о том, как легко он может это сделать.

— Ты думала, это меня заденет? — он прижался своим пахом к моему бедру, заставляя почувствовать всю мощь его возбужденного тела. — Ошибаешься. Ты только что дала мне повод быть с тобой еще жестче, Майя. Ты сама сорвала все предохранители.

Его большой палец с силой надавил на мою нижнюю губу,

оттягивая ее вниз. Я ненавидела себя за то, как сильно захотелось прикусить этот палец. Или лизнуть...

— За каждое неповиновение я буду брать с тебя плату, принцесса.

Дамиан медленно отступил, разрывая тугую нить нашего напряжения. Воздух хлынул в лёгкие, но вместе с ним пришло что-то другое — чувство потери. Как будто он забрал с собой часть меня.

Повернулся ко мне спиной — дерзко, демонстрируя полное пренебрежение.

— Садись, — бросил он через плечо, не оборачиваясь.

Воздух вокруг всё еще вибрировал от его запаха.

«Беги», — прошептал внутренний голос.

Не было времени обдумать. Ноги сработали сами. Я резко развернулась и рванула в противоположную сторону, к тенистым аллеям.

Но Дамиан даже не побежал.

Рев мотора разорвал тишину сумерек. Через секунду ослепительный свет мощной фары ударил мне в спину. Тень от моего тела растянулась далеко вперед, уродливая и дрожащая.

Я прибавила скорости, петляя между деревьями, но байк нагнал меня мгновенно. Дамиан пролетел мимо, обдав меня жаром, и резко заложил вираж, преграждая путь. Колесо вгрызлось в гравий за сантиметр от моих кроссовок.

Я замерла, тяжело дыша. Ноги стали ватными. Бежать

дальше? Куда? Он повсюду.

— Первая попытка, — раздался его голос из-за визора. — Глупо.

Он медленно двинулся на байке прямо на меня, заставляя пятиться, пока я не уперлась спиной в холодную стену старой лаборатории.

Дамиан заглушил двигатель и медленно слез с седла.

— Ты только что увеличила свой счет, принцесса, — его рука в черной перчатке легла на стену над моей головой.

Я хотела огрызнуться, но он не дал мне и слова сказать. Резко, без предупреждения, впился в мои губы жестким, требовательным поцелуем. Я ощутила привкус мяты. Немедля его язык ворвался в мой рот, стирая остатки воли. Я замерла, не в силах пошевелиться — не от страха, а от ошеломляющей волны его власти. А когда он отстранился, я всё ещё стояла, хватая ртом воздух, растерявшись.

— Хорошая девочка, — хмыкнул он, и в следующую секунду его рука сжалась на поясе моих джинсов. Одним рывком, будто я ничего не весила, перекинул через плечо.

— А теперь замерла, — добавил он, шлепнув меня по задку.

— Отпусти! Пусти меня, ты, животное! — я молотила кулаками по его спине и отпинавала бедра, но с таким же успехом могла бить скалу.

— Ты пойдешь к байку и сядешь на него сама, — прорычал он, пальцами впиваясь в мои ягодицы. — Или я привяжу

тебя ремнями. Выбирай, Майя.

Он донес меня до мотоцикла и буквально уронил на землю. Протянул шлем.

— Садись. Третьего предупреждения не будет. Дальше я просто начну забирать долги. Здесь. Прямо на этой дорожке.

Я посмотрела в его глаза — сейчас в них не было ничего, кроме холодного, расчетливого голода. Дрожащими руками я натянула шлем.

Я села позади него, и на этот раз он сам перехватил мои руки, с силой обхватывая ими свой торс, заставляя меня буквально вжаться в его спину. Запах озона и соли ударил в лицо. Дышать стало нечем — не от страха, а от того, как сильно он заполнил собой всё пространство. Я зажмурилась — от него уже никуда не деться. Он везде.

— Держись, — бросил он. — Сейчас ты узнаешь, почему со мной не стоит играть в такие игры.

Байк взревел, и мы сорвались в ночь. Мои пальцы до боли впились в ткань его куртки. Я ненавидела себя за эту хватку. И не могла разжать.

Глава 7. Скорость и кровь

Я думала, что самое страшное уже позади.

Я ошибалась.

Байк вылетел за ворота кампуса, и город встретил нас неоновым, грязью и бешеной пульсацией ночной жизни. Дамиан вжимал газ так, что ветер превращался в ледяные пощечины. Я вцепилась в него мертвой хваткой, зажмурившись и молясь, чтобы это безумие скорее закончилось.

Он привез меня на окраину. В промзону с рядом старых складов.

Гоночная трасса уже было расчерчена светящимися линиями. Здесь пахло бензином, жженой резиной и адреналином. Вокруг толпились оборотни, отморозки всех мастей. Они пили, орали, делали ставки.

— Слазь, — скомандовал Дамиан, глуша мотор.

Я сползла с байка на негнущихся ногах. Колени дрожали, к горлу подкатывала тошнота.

— Зачем мы здесь?

Он снял шлем, и в свете неоновых огней его глаза горели золотом. Хищным, предвкушающим.

— Сегодня ты будешь моим штурманом, принцесса.

Он достал из-под сиденья черную бандану. Мою. Я использовала ее вместо ободка для волос и потеряла где-то в кампусе. Он поднес ее к лицу, втянул запах, и на его губах

заиграла та самая жуткая, собственническая усмешка.

— Знаешь, чем я занимаюсь, когда не учусь в твоём престижном университете?

Я молчала, чувствуя, как страх холодит кровь.

— Я гоняю, — он подошел ко мне вплотную. — Но мне стало скучно. Слишком легко. Я хочу усложнить задачу.

Он взял мою руку и вложил в нее бандану.

— Завяжешь мне глаза. И будешь говорить, куда ехать. Налево, направо, прямо, тормоз. Будешь моими глазами, Майя.

Я отдернула руку, как от огня.

— Ты с ума сошел! Я не смогу! Я путаю право и лево! Мы разобьемся!

— Не разобьемся, — его голос был пугающе спокоен. — Потому что ты будешь говорить вовремя. А я буду слушаться. Впервые в жизни.

Толпа вокруг взревела, когда увидела, что к заезду готовится Северский. Его знали здесь. Боялись. Обожали.

Я стояла, сжимая в руках эту чертову повязку, и чувствовала, как мир сходит с ума. Ко мне подскочил какой-то парень с мутными глазами, сунул в руку шлем, подтолкнул к байку.

— Садись, детка. Ты сегодня в главной роли.

Я не помню, как забралась на байк. Как мои руки сами завязали ленту на его глазах, как дрожащими пальцами застегнули шлем. Помню только, как он включил зажигание, и

байк взревел так, что заложило уши.

— Смотри в оба, Майя, — его голос раздался из динамиков в шлеме. — От тебя зависит, останемся мы живы или нет.

Старт.

Я закричала, когда байк рванул с места. Ветер ударил в лицо, слезы потекли сами собой, размазывая тушь.

— Направо! — заорала я, увидев поворот. Он послушался мгновенно, байк накренился так, что, казалось, вот-вот ляжет на асфальт.

— Левее! Еще левее! Прямо!

Я кричала, задыхаясь, чувствуя, как желудок подкатывает к горлу. Мы летели между машинами, вжимались в повороты, проскакивали в сантиметре от столбов. Я видела, как впереди на столбе висит приз — огромный флаг, который нужно сорвать на финише.

— Туда! — заорала я. — К столбу!

Но когда мы приблизились, я поняла ужасную вещь. Флаг висел слишком высоко. Даже если я встану на подножки, не дотянусь. Нужно было встать на байк. Ногами. На скорости.

— Я не могу! — закричала я в шлем. — Не дотянусь!

— Сможешь, — его голос был спокоен, как скала. — Вставай на сиденье. Держись за меня. Я буду держать байк.

— Ты слепой! Ты не видишь!

— Я чувствую. Давай, Майя. Или мы проиграем.

Я зарычала от отчаяния. Разжала руки, вцепилась в его

плечи, и, молясь всем богам, встала на сиденье. Ноги тряслись, ветер бил в спину, байк вилял подо мной. Но его руки держали руль мертвой хваткой, а тело было как скала.

Я выпрямилась, поскользнулась, чуть не упала, но в последний момент ухватилась за его шлем. Протянула руку, царапая воздух, и — сорвала флаг за секунду до того, как байк понесся дальше.

Толпа взорвалась криком. Мы выиграли.

А я упала.

Не помню, как это случилось. Просто земля стремительно приблизилась, и я встретилась с асфальтом всем телом. Боль вспыхнула в коленях, в локтях, в ладонях. Я услышала собственный крик, смешанный с ревом толпы.

А потом тишина. И его лицо надо мной. Он уже сдернул ленту, глаза горели безумным огнем.

Он опустился на колени, осматривая меня.

Я смотрела на него сквозь пелену боли и слез и ненавидела. Ненавидела его, этот байк, эту гонку, этот город, всю свою жизнь.

— Оставь. Меня. В покое, — прохрипела я.

Он не оставил. Он легко подхватил меня на руки, донес до какой-то машины (не байка, слава богу), уложил на заднее сиденье и сел за руль.

Всю дорогу я молчала, сжимая зубы, чтобы не застонать. Кровь с разбитых коленей пропитала джинсы, локти горели огнем.

Он привез меня в коттедж. Занес в дом, усадил на диван в гостиной и ушел. Вернулся через минуту с аптечкой.

— Снимай штаны, — скомандовал он, доставая перекись и бинты.

— Что? Нет!

— Майя, — его голос стал низким, предупреждающим. — Или ты снимаешь джинсы сама, или я разрежу их. У тебя кровь. Раны нужно обработать.

Я стиснула зубы, стянула джинсы, оставшись в трусах. Колени были разодраны в мясо, из ран сочилась сукровица и кровь.

Он опустился передо мной на колени. Взял вату, смочил перекисью и начал обрабатывать. Медленно, тщательно, не обращая внимания на мои шипения и вздрагивания. Его пальцы касались моей кожи — грубые, горячие, и от каждого прикосновения по телу разливалась странная, тягучая волна. Внизу живота сладко и тревожно заныло, и я замерла, не понимая, что это. Это же просто обработка ран. Почему меня бросает в жар от его рук? Я ненавидела себя за эту реакцию, но тело не слушалось.

— Терпи, — бросал он, когда я дергалась. — Сама виновата. Надо было лучше держаться.

— Я виновата?! — взорвалась я. — Это ты устроил этот цирк! Ты заставил меня завязать тебе глаза! Ты...

— Я выиграл, — перебил он, поднимая на меня взгляд. В его глазах не было раскаяния. Только довольство. И что-

то еще. Что-то темное, голодное, отчего по коже бежали мурашки. — Мы выиграли.

Он перевязал мои колени, затем взялся за локти. Его прикосновения были такими же — жесткими и в то же время бережными. Закончив, он убрал аптечку и сел рядом на диван.

— Теперь ложись спать, — он кивнул в сторону спальни. — Со мной.

— Нет.

— Майя, — он повернулся ко мне, и в его голосе снова зазвучал металл. — Я разве задал вопрос? Тебе нужно успокоиться, я помогу.

— Я не хочу с тобой успокаиваться. Я хочу, чтобы ты исчез.

Он усмехнулся. Встал, подхватил меня на руки, а я взвизгнула от неожиданности и понес в спальню.

— Это не обсуждается, принцесса.

Он уложил меня на кровать, сам лег рядом, накрыл нас одеялом и притянул к себе, заставив уткнуться носом в его плечо. Я дернулась, попыталась отодвинуться, но его рука, тяжелая и горячая, легла на мою талию, пригвождая к месту.

— Спи, — прошептал он мне в макушку. — Я не трону тебя. Но если ты будешь дергаться, я пересмотрю свое решение.

Я замерла, чувствуя, как его сердце бьется под моей щекой. Ровно, мощно, убаюкивающе. Вопреки здравому смыслу, тело перестало дрожать. Тепло, исходящее от него, рас-

текалось по венам, снимая боль и напряжение. Но вместе с ним возвращалось и то странное, тягучее чувство, которое я испытала, когда он касался моих коленей.

Я ненавидела себя за это. Ненавидела его. Ненавидела себя за то, что в его руках мне было... спокойно. И от этой ненависти хотелось выть.

Я лежала, глядя в темноту, и думала: «За что мне всё это?».

А он дышал рядом, и его дыхание, ровное и глубокое, постепенно убаюкало меня, погружая в тяжелый, беспокойный сон, полный боли, скорости и золотых глаз.

Глава 8. Нагота

Прежде чем провалиться в забытие, я твердила себе: «Проснуться раньше. Уйти, пока он спит. Исчезнуть».

Я понимала, что организм просто отключился от перегрузки — от его близости, от унижения, от всего, что обрушилось за последние часы. Но утро должно было стать моим шансом. Нужно было убраться с его территории.

Сон был тяжелым — не спасающим, а выматывающим. Сквозь него я чувствовала постороннее тепло. То, от которого хотелось отползти, но тело не слушалось, придавленное чужой близостью и собственной беспомощностью.

Когда веки наконец дрогнули и открылись, в комнате было серо и тихо. Предрассветные сумерки делали всё размытым и почти нереальным. Сердце сразу забилося чаще где-то в горле, мешая дышать. Я замерла, прислушиваясь.

Тишина.

Никакого дыхания за спиной. Никакой тяжелой руки на талии. Никакого жара, прожигающего спину.

Я осторожно, миллиметр за миллиметром, начала отодвигаться к краю кровати. Простыня шуршала так громко, что мне казалось — этот звук будит весь дом, и сейчас все рухнет. Ступни коснулись холодного пола, и ледяные мурашки побежали по ногам вверх. На миг меня накрыла эйфория победы.

Я обернулась.

Кровать была пуста.

Одеяло сбито на сторону, подушка еще хранила глубокую вмятину от его головы. Но его не было.

— Черт, — выдохнула я, сама не заметив, что вслух. Голос прозвучал хрипло, чуждо.

— Интересные у тебя ритуалы после пробуждения, принцесса.

Голос ударил в спину, как удар током. Я вздрогнула так сильно, что зубы клацнули, а сердце в момент остановилось, а потом пустилось в бешеный галоп.

Медленно, чувствуя, как время течет будто в кошмарном сне, я повернула голову.

Дамиан стоял в дверях. Прислонившись плечом к косяку, расслабленный, ленивый и опасный. И на нем не было ничего. Совсем ничего. Он вытирал мокрые после душа волосы полотенцем, темные пряди падали на лоб, и капли воды медленно стекали вниз туда, куда я боялась опустить взгляд.

И все же опустила.

И сглотнула. В горле пересохло так, что, казалось, я никогда не смогу произнести ни слова. Заставляла себя отвернуться, закрыть глаза, но не смогла.

Его грудь, покрытая темными волосами, переходила в литой, рельефный пресс. Каждая мышца проступала под кожей, перекачивалась при каждом движении. Дорожка волос спускалась все ниже, ведя к самому сокровенному, к тому,

чего я никогда не видела, не должна была видеть...

У меня перехватило дыхание. Воздух застрял где-то в горле колючим комом.

Я так и сидела на корточках у края кровати — нелепо, застыв, как статуя, не в силах пошевелиться, не в силах даже моргнуть. Единственное, что смогла сделать — закрыть лицо руками. Спрятаться. Отгородиться от этой бьющей наотмашь порочной красоты.

Дыхание сбилось окончательно. Стало рваным, горячим, прерывистым. И внизу живота отозвалось что-то сладко и тревожно пульсирующее одновременно. Предательское тело узнало своего мучителя и потянулось к нему.

Я чувствовала, как он приближается. Шаги по ковру звучали глухо, почти беззвучно, но я слышала каждый.

Он подошел вплотную. Встал надо мной. Он был так близко, что горячий воздух касался моей макушки, и от этого касания по позвоночнику пробегали ледяные искры.

— Обернись.

Я замотала головой, еще сильнее вжимая ладони в лицо.

— Посмотри на меня.

Голос тихий. Но в нем лязгнул металл. В нем было что-то такое, от чего внутри всё сжалось в болезненный узел. Не просьба. Даже не приказ. Просто констатация: он говорит — я делаю. Иного не дано.

Меня трясло. Мелко, противно, неуправляемо.

Каждая клетка дрожала, как натянутая струна. Но тело

уже подчинялось этой первобытной силе, против которой не попрешь. Я развернулась, так и не убрав ладони от лица. Села на пятки, сжавшись в комок, пытаюсь стать меньше.

Чуть-чуть раздвинула пальцы. Образовалась щелочка, через которую можно было подгляднуть.

Он стоял передо мной. Огромный. Голый. Возбужденный так, что это невозможно было не заметить. И от этого зрелища по коже в который раз побежали мурашки — не только от страха, но и от чего-то другого, чему я не смела дать имя.

Я зажмурилась. Сделала глубокий, судорожный вдох. И на каком-то отчаянном, безумном порыве убрала руки.

Встала.

Посмотрела ему прямо в глаза. В эти золотые, хищные глаза. Попыталась вложить в этот взгляд всё, что осталось от моей гордости, от меня самой.

Вызов. Пусть жалкий, пусть смешной, но вызов.

Он усмехнулся. Коротко, одними уголками губ. Оценил. И в следующую секунду его ладонь уже собственнически лежала на моей талии. Рывок — и я вжата в него. Вплотную. К голой, обжигающей коже. Другая рука сжала подбородок, фиксируя голову, лишая возможности отвернуться.

И он поцеловал меня.

Не так, как в прошлый раз. Медленнее. Но с каждой секундой жестче, требовательнее. Он целовал так, будто показывал, что сделает со мной, будто через этот поцелуй вбивал в меня свое право. Язык вторгся в рот, не спрашивая раз-

решения, не встречая сопротивления. Облизывал, дразнил, покусывал губы до боли.

Я попыталась оттолкнуть его. Уперлась ладонями в его грудь. Под пальцами — обжигающий жар, каменные, литые мышцы и бешеный стук сердца, который находил отклик в ритме моего собственного. На секунду я замерла. И снова попыталась оттолкнуть, но уже лицо.

И он отпустил.

Я искренне надеялась, что все закончилось. Секунда пьянящей иллюзии.

А потом он просто развернул меня спиной к себе и толкнул на кровать. Я охнула, когда грудью врезалась в прохладные простыни, а мои руки оказались скручены за спиной и зафиксированы его огромной ладонью.

Он шлепнул меня по ягодицам. Легко. Почти невесомо. Я закусила губу до крови, чтобы не закричать. Не от боли — от унижения, от того, насколько привычно он это делал.

А потом его пальцы с силой сжались на моей плоти. Я вскрикнула — коротко, сдавленно.

— Аппетитная, — прошептал он в самое ухо, и от его горячего дыхания меня пронзило током.

Я перестала соображать. Разум кричал, бился, рвался наружу: это неправильно, это насилие. Но тело уже горело. Плавилось. Тянулось к нему, отвечая на каждое прикосновение предательской дрожью.

Его рука скользнула мне в трусы. Без подготовки. Сразу

туда, где всё уже пульсировало в ожидании, где было влажно и горячо. Пальцы огладили, растирая эту влагу, находя то место, от которого внутри всё переворачивалось. Я выгнулась, застонав в голос, не в силах сдержать этот звук.

Он прижался сзади. Твердый, горячий член проскользнул между бедер, зажимая меня в тиски своего тела. Он двигался ритмично, терся о меня, дразня, распаяя, одновременно продолжая ласкать пальцами там, внизу. Двойное, сводящее с ума давление.

Я не выдержала. Взрыв накрыл меня внезапно — горячей, сокрушительной волной. Я кричала в простыни, задыхаясь, пока мир плыл перед глазами.

Он замер. Смотрел, как меня трясет в конвульсиях оргазма, как тело выгибается, не в силах контролировать эту бурю.

— Красиво, — сказал тихо, почти беззвучно. В этом слове не было нежности. Не было тепла. Только факт.

Он не кончил. Даже не пытался. Просто отпустил.

— Хорошая девочка. Будь послушной, и у нас всё сложится.

Он отошел. Оделся быстро, с пугающим спокойствием, даже не глядя в мою сторону. Бросил через плечо, уже у двери:

— Иди в душ. Завтрак ждет тебя на кухне. Одежда в пакете у окна. Я уезжаю. А ты свободна, пока не понадобишься. Дверь закрылась. Щелчок замка прозвучал как выстрел. Я осталась лежать на смятых, влажных простынях, все

еще тяжело дыша, все еще чувствуя, как пульсирует внутри только что пережитое. Впервые в жизни я увидела мужчину голым. Впервые испытала ТАКОЕ. И мне было так больно, как никогда.

Потому что всё это случилось с тем, для кого я была просто вещью. Просто телом, которое можно взять, использовать и выбросить.

Горячие, злые слезы потекли по щекам, размазывая остатки вчерашней туши. Я вытирала их тыльной стороной ладони, оставляя на коже красные разводы. Уткнулась лицом в подушку — она пахла им. Грозой, солью и властью. Я зарылась в этот запах, зажимая нос, пытаюсь задушить в себе эту проклятую, предательскую тягу.

Потом был душ. Под обжигающими струями я терла себя мочалкой, царапала, пыталась смыть его прикосновения. Бесполезно. Он въелся намертво.

На кухню я не заходила. А к одежде, что его шестерки купили для меня, я даже не притронулась. Надела свои разорванные джинсы, которые нашла в мусорном ведре. Мне было плевать, как я выгляжу. Я просто хотела уйти без подачек.

Выходя из его дома в то серое, холодное утро, я знала одно: я больше никогда не буду прежней. Та Майя, что приехала сюда учиться на архитектора, что мечтала о великих свершениях, умерла где-то между его первым поцелуем и этим утром.

Но сдаваться я точно не собиралась.

Глава 9. Повсюду

Дамиан

Холод утреннего воздуха не остужал кровь — он, сука, только разгонял её быстрее, потому что каждая молекула кислорода пахла ей. Я замер у двери, бросив последний взгляд на кровать.

Майя.

Моя хрупкая, невозможная истинная.

Сейчас она казалась совсем маленькой среди смятых, влажных простыней. Изломанная. Придавленная тяжестью моего мира, в который я втащил её без спроса. Её кожа... теперь пахла грозой и солью. Мной. Запах вьелся в неё намертво, пропитал каждую пору, смешался с её собственным — терпким, сладким, сводящим с ума.

У меня свело скулы от желания вернуться. Лечь рядом. Вдохнуть ещё раз. Зарыться мордой в её волосы и рычать от удовольствия, пока она не перестанет дрожать.

Арх. Как же раздражает.

Она точно попытается сбежать? Глупая.

Она даже не представляет, как глубоко я уже в ней. Пока еще не ментально. Физически. Каждая её клетка теперь резонирует с моей, и если шагнёт за периметр — зверь разорвёт меня изнутри.

— Иди в душ.

Голос хриплый, сухой и чужой. Не мой.

— Одежда в пакете. Я уезжаю. А ты свободна, пока не понадобишься.

Щелчок замка.

Я не обернулся. Потому что знал: если встречу с ней взглядом, увижу этот грёбанный вызов, этот страх, эту ненависть — сломаюсь. Подойду. И сделаю так, что она забудет, как дышать без моего разрешения.

Красный спорткар взревел, разрезая утро. Скорость — единственное, что ещё вырубало башку, когда мысли о ней начинали плавить мозги. Я вжал педаль в пол, вжимаясь в кресло, слушая вой мотора, и пытался не думать о том, как пахнет её шея.

Въехал на подземную парковку штаб-квартиры Северских юзом. Охранники разбежались в стороны, как тараканы.

Моя территория. Мои правила.

В вестибюле секретари и координаторы вжимали головы в плечи. Я кожей чувствовал, как от меня разит нестабильностью. Зверь внутри ещё не успокоился, он ходил кругами, скалился и требовал вернуться в логово. К ней.

— Господин Северский... — пискнула какая-то мышь, но я даже не сбавил шаг.

Конференц-зал.

На экранах — карты, графики, тепловые сигнатуры. Люди за столом побелели, когда я вошёл. Это хорошо. Пусть

бояться.

— На восточном участке отступники активизировались. Два конвоя за неделю, — начал докладчик, и его голос дрожал.

Я ударил ладонью по столешнице. Грохот, как выстрел.

А пальцы до сих пор помнили текстуру её кожи, и эта ярость искала выхода.

— Слушайте сюда. В этот раз груз идёт с моей личной командой гонщиков. В фурах — компоненты для сыворотки сестры, — я обвел их взглядом, позволяя глазам загореться тем самым светом, от которого даже альфы соседних кланов ссут кипятком.

— И если кто-то из команды облажается, или хотя бы одна хренова коробка упадёт — я лично придушу виновного.

Два часа ада.

Два часа, в течение которых я доказывал себе и им, что я — сталь, что я контролирую ситуацию, что та девчонка в моей постели — просто тело.

Но между фразами про маршруты и блокпосты в голову лезло совсем другое.

Как она сжималась подо мной. Как пахла страхом и... этими грёбаными сладкими выделениями. Как закричала, когда я довёл её до края. И как смотрела потом — так, будто я убил в ней что-то живое. Мне срывало крышу.

Когда все вышли, я заставил себя успокоиться. Сжал переносицу, выдохнул.

Вызвал Сора.

Он ввалился в кабинет с той самой рожей, которая бесила всех, кроме меня. Вечно расслабленный, с ухмылкой до ушей.

— Ого, Дам, у тебя вид, будто ты неделю не трахался. Или наоборот — трахался, но не совсем удачно?

— Завали хлебало. Дело есть.

— Я весь во внимании, — он плюхнулся в кресло, закинув ноги на стол.

— Не участвуешь в перевозке. У тебя другая задача. Присмотришься за человечкой.

Сор поперхнулся воздухом. Скорость, с которой он сбросил ноги со стола, меня порадовала.

— Че-е-его?

— Ты слышал. Присмотришь. Заслужишь доверие. Станешь другом. Она не должна покидать кампус.

— Слышь, Северский, — Сор подался вперёд, и его глаза блеснули. — Ты охренел? Я — нянька? У меня же гонки...

— Тебе хватит мозгов, чтобы заткнуться и слушать? — я не повысил голос. Просто дал ему погрузиться в тишину. И осознать всю мою серьёзность.

Сор сглотнул. Сразу стал собраннее.

— Ладно. Человечка. Дочь мэра? Наследница нефтяного месторождения?

— Студентка. Архитектор. Из простых.

— Из простых? — он скривился. — Дам, объясни, нахре-

на? Обычно ты таких... ну, ты знаешь. Трахаешь-выбрасываешь. А тут прям спецобслуживание.

Я молчал. Секунду. Две. Смотрел ему в глаза, пока воздух в кабинете не начал вибрировать от давления.

— Она Истинная, — сказал я тихо.

У Сора отвисла челюсть.

— Чего? — переспросил он хрипло. — Ты серьёзно? Человек — истинная для альфы Северских? Дам, это... это бред какой-то. Твоя кровь...

— Моя кровь решила за меня, — я оборвал его. — Она моя. Помечена. И если ты, Сор, подпустишь к ней кого-то ближе, чем на метр, я лично вырву тебе позвоночник. Ты понял меня?

Он смотрел на меня, и в его глазах плескался ужас наполовину с удивлением. Он люто охренел, конечно.

— Понял, вожак.

— Хорошо. Сегодня вечером она выйдет в парк. Ты её случайно встретишь. Будешь милым, забавным, надёжным. Чтобы она тебе доверяла. Чтобы не боялась. Ты — её пропуск в «нормальную жизнь» кампуса.

— А если она заигнорит или сбежит?

— Если сбежит — ты умрёшь медленно. Если не будет обращать внимания, придется найти подход.

Он кивнул и вышел, забыв даже попрощаться.

Я остался один. Снова этот чёртов запах. Я снял куртку и вдохнул — её запах въелся даже в кожу. Дикая мята, осве-

жающая, но терпкая. Член дёрнулся, реагируя на один только намёк на неё.

Она слишком хрупкая. Слишком чистая. Как фарфоровая статуэтка в лапах зверя, который не умеет быть нежным. Мне придётся её сломать. Перекроить. Научить выживать в моем мире.

Выдержит ли?

Плевать.

Она моя. Моя по праву крови. И я её не отпущу.

Глава 10. Серый волк

В комнату общежития я влетела, когда небо только начинало сереть. Ноги гудели, колени саднило под бинтами, а в голове была одна мысль:

«Не останавливаться. Если остановлюсь — упаду и не встану».

Лена сидела на кровати, поджав ноги, с чашкой давно остывшего чая. Увидела меня — и чашка жалобно звякнула о блюдец.

— Майя... — выдохнула она. — Ты где была? Я чуть с ума не сошла! Коменда приходила, я сказала, что ты температуришь и не пустила в комнату.

Она осеклась. Уставилась на мои разодранные джинсы, на бинты, проступающие розовым, на то, как я дрожащими руками пытаюсь скинуть куртку.

— Боже... Что он с тобой сделал?

— Лен, не сейчас. — голос прозвучал хрипло, чуждо, будто не мой. — Я не хочу об этом. Но мне точно нужна твоя помощь.

Она вскочила, заметалась по комнате, как птица в клетке:

— Да-да... Если смогу... Воду принести? Чай?

— Помолчи. — я стянула свитер через голову и замерла, услышав её сдавленный вдох.

Над поясом штанов темнели сине-багровые отпечатки

пальцев. Пять точек. Его хватка. Я смотрела на них в зеркало шкафа и не чувствовала ничего. Пустота. Холодная, звенящая пустота, будто внутри всё выжгли калёным железом.

— Это... — Лена прижала ладони к губам.

— Это мои проблемы, — оборвала я.

Резко дернула ящик комода, выкидывая на кровать чистые джинсы — серые, бесформенные, как броня. Из кармана старых штанов вывалился бабушкин оберег — холщовый мешочек, перетянутый ниткой. Я подняла его, и на секунду мне показалось, что от ткани пахнет домом. Яблоками. Мятой. Бабушкиными руками, такими тёплыми, живыми...

Сунула оберег в карман новых брюк. С ним и правда было спокойнее. Глупо, но хоть что-то настоящее.

Я натянула джинсы, застегнула пуговицу, провела ладонями по бёдрам, разглаживая несуществующие складки. В зеркале отражалась бледная девушка с тёмными кругами под глазами и плотно сжатыми губами. Та, доверчивая и наивная, что была вчера, — умерла. Эта была иной.

— Как получить разрешение на выезд из кампуса? — спросила я, не оборачиваясь.

Лена моргнула, выныривая из ступора:

— Что? Зачем?

— Мне нужно в магазин. За новой одеждой. — Я кивнула на порванные штаны, валяющиеся на полу.

— Так... — она закусила губу, пытаясь собраться. — Ничего сложного. Напишешь заявление на имя директора на-

правления по высоткам. Скажешь, что упала и джинсы порвала. Это же... — она запнулась, глянув на мои колени, — это же правда.

Еще одна наивная человечка. Она всё ещё верит, что правда имеет значение.

— И ещё, — я шагнула к ней, понизив голос. — Покажи мне сегодня парня, который по влиянию и силе не уступает Северскому. И который люто ненавидит его.

Лена побелела так, что веснушки на носу проступили тёмными пятнами.

— Зачем тебе это? Майя, не надо. — она схватила меня за руку, пальцы ледяные, трясущиеся. — Я вижу, что он с тобой сделал, но... Если ты будешь тихо жить и слушаться, он станет мягче. Они все так делают. Сначала ломают, а потом успокаиваются.

Я выдернула руку. Медленно, без резкости, но так, что она отшатнулась.

— Я не собираюсь сидеть и ждать своей участи. — слова падали тяжело, как камни в воду. — Я сама буду решать, с кем и когда мне быть. Где учиться. И как жить. Просто ткни пальцем в такого парня. Или скажи, где найти. Остальное я сделаю сама.

Лена закрыла лицо ладонями. Плечи её тряслись.

— Боже... Боже мой... Что же ты творишь...

Но она рассказала.

Рей Долотон.

Все его называли Грей. Серый. И когда я увидела его в толпе на главной аллее, я поняла почему.

Он стоял в окружении девиц — красивых, холеных, явно не людей. Они вились вокруг него, как мотыльки вокруг пламени, ловили каждое слово, смеялись его шуткам. А он даже не смотрел на них. Стоял, прислонившись к колонне, поигрывая ключами от дорогой тачки, и сканировал пространство ленивым, равнодушным взглядом.

Опасный. Резкий. Брюнет с красивыми, хищными чертами лица и глазами цвета штормового моря. Холодные. Пустые. В них не было того голодного огня, что у Дамиана, но было что-то другое. Что-то, от чего по коже бежали мурашки.

Оборотень. Серый волк. И назван так не только за цвет шерсти.

Я наблюдала за ним из-за угла, вжимаясь спиной в холодный камень. Девчонки лезли из кожи вон, пытаясь привлечь его внимание. Одна, самая смелая, провела пальцем по его груди, что-то шепнула на ухо. Грей даже бровью не повёл. Просто снял её руку, как надоедливую муху, и отошёл к другой колонне.

Было бы проще, если бы он проявлял интерес к кому-то. Можно было бы просчитать, купить такую же одежду, перенять манеры. Но эти фифы в кружевных топиках и с идеальным макияжем не могли до него достучаться.

Поездка в город отменяется, здесь не помогут женствен-

ные образы, а значит, и мои обычные джинсы с дурацким серым свитером сойдут. Я не собираюсь конкурировать с ними за место в его постели. Мне нужно кое-что другое.

Я хлопнула в ладоши, отлепляясь от стены.

— Ну вот, минус одно дело.

Он не замечал моего взгляда. Я следила за ним до самого звонка, запоминая каждое движение, каждую деталь. Как он откидывает волосы со лба. Как усмехается краешком губ. Как сжимает челюсть, когда мимо проходят волки из стаи Северского.

Ненависть. Я увидела её в том, как потемнели его глаза. Глубокая, старая, вымороженная до состояния льда.

Идеально.

Прозвенел звонок, и толпа схлынула, растекаясь по аудиториям. Я тоже рванула к своей. Пусть меня зачислили сюда только благодаря Северскому, но я буду усердно учиться. Архитектура — это моё всё! Единственное, что у меня осталось *моего*. Карандаш, бумага, линии, уводящие в другой мир, где нет ни альф, ни истинности, ни боли.

Я уже подходила к двери, нащупывая в кармане оберег, когда мир взорвался.

Чья-то ладонь зажала рот. Жёстко, до боли в зубах. Вторая рука перехватила талию, припечатывая меня к горячему, твёрдому телу. Рывок — и меня втащили в какой-то тёмный, узкий проём. Запахло сыростью, пылью и... не им. Не Дамианом. Другим. Древесным, горьковатым, с нотками холодно-

го ветра.

Я забилась, пытаюсь укусить, лягнуть, вцепиться ногтями.

— Тихо, — шепнули в самое ухо. Голос низкий, незнакомый, с ленцой, от которой внутри всё сжалось. — Замри.

Меня медленно, сантиметр за сантиметром, развернули лицом к себе.

Темнота. Только узкая полоска света из-за неплотно прикрытой двери. Но даже в этом полумраке я узнала эти глаза.

Серые. Холодные. Смотрят в упор, безжалостно, изучающе.

Рей Долотон собственной персоной держал меня в закутке за лестницей, прижимая спиной к ржавым трубам. Его рука всё ещё лежала на моей талии — тяжёлая, горячая, не оставляющая шанса на бегство.

— Ну здравствуй, Майя, — сказал он тихо, и в его голосе не было и тени той ленивой расслабленности, что я видела на аллее. Только сталь и лёд. — Наконец-то сообразила. Я уж думал, придется за тобой самому идти.

Сердце грохнуло где-то в горле. Воздух кончился.

Он знал. Он ждал. И теперь я была в его руках.

Глава 11.1 Союзники?

Либо меня охватила тотальная смелость, либо фатальная глупость. Но я была не в том положении, чтобы быть жертвой — мне нужно было найти союзника, чтобы убраться с этой территории.

— А я уж думала, сколько мне еще придется сверлить тебя взглядом, чтобы ты заметил, Грей, — выпалила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он замер. В полумраке ниши его глаза блеснули серебром — холодные, как сталь.

— Ха, — усмехнулся он одними уголками губ. — Занятно.

Я заставила себя держать взгляд. Смотреть прямо в эти штормовые глаза, которые, казалось, видели меня насквозь.

— Любопытно было наблюдать за тобой, — я даже позволила себе легкую улыбку, хотя внутри всё дрожало. — Думала, что придется разодеться, как те цыпочки, но ты и на их выпрыгивающие кхм-кхм не смотрел, так что сэкономил мне кучу денег и времени. Спасибо.

Грей не улыбнулся. Он продолжал смотреть — изучающе, пристально, будто видел перед собой не человеческую девочку, а любопытный экспонат в коллекции.

А потом он наклонился.

Низко. Прямо к моей шее.

Безрассудность кипела, но мурашки все же побежали, и стало страшно.

Что от него ожидать? Он хищник, который всего лишь позволял мне играть. Но как только ему это надоест — он меня сожрет. Просто потому, что может.

Я вжалась спиной в трубы, чувствуя холод металла даже сквозь свитер. Его дыхание коснулось кожи — горячее, чужое, без той обжигающей, сводящей с ума силы, что была у Дамиана, но от этого не менее пугающее.

— От тебя несет Северским, — произнес он медленно, смакуя каждое слово. — Но именно твоего запаха я не ощущаю. Нет желания вдыхать этот смрад.

Он выпрямился так же резко, как наклонился.

— Отмойся и приходи. Сама.

И отпустил.

Резко разжал пальцы на моей талии, отступил на шаг, разворачиваясь.

А я так и не могла пошевелиться. Он держал меня только за талию, нюхал, но по телу пробежало ощущение, будто меня касались везде и много-много рук, ощупывая, изучая, оценивая.

Что за черт.

Я задохнулась.

Пока он не ушел достаточно далеко, пока звук его шагов не стих за поворотом, я не могла вдохнуть. Воздух ворвался в легкие с хрипом, раздирая горло.

— Вляпалась по самое не хочу, — сказала я самой себе в пустоту.

Ноги дрожали. Пришлось постоять еще минуту, приходя в себя, слушая, как бешено колотится сердце где-то в районе горла.

Ладно хоть в коридорах было пусто.

Я осторожно выглянула из-за угла. Никого. Студенты уже разбрелись по аудиториям, звонок прозвенел минуты три назад. Я безнадежно опаздывала.

Я проскользнула к лекционному залу — огромной римской аудитории с амфитеатром, где каждый следующий ряд возвышался над предыдущим. Дверь находилась сзади, на верхнем уровне. Если зайти практически ползком, то преподаватель даже не заметит.

Так я и сделала.

Пригнувшись, на цыпочках, я просочилась внутрь и плюхнулась на последний ряд с самого края. Передо мной, внизу, профессор — сухой седой оборотень с цепким взглядом — вещал что-то про расчет несущих конструкций в высотном строительстве.

Я уселась поудобнее, достала тетрадь и начала неспешно записывать сегодняшнюю тему. Ручка скользила по бумаге, вырисовывая формулы и термины, но мысли были далеко.

Время от времени я отвлекалась и думала: как стереть этот запах с себя?

Я ведь уже мылась сегодня утром. Но Грей сказал: «несет

Северским». Значит, Дамиан каким-то неведомым образом пометил меня?

На полях тетради сами собой начали разрастаться орнаменты из вопросительных знаков.

Ручка замерла. Я представила, как возвращаюсь в душевую, встаю под воду и скребу кожу снова. И снова. Звучало как безумие. Но другого выхода я не видела.

Прозвенел звонок. Я вздрогнула, схватила тетради и вылетела из аудитории первой, даже не оглядываясь. А в общежитие ворвалась, сбивая дыхание.

Лена сидела за столом, грызла яблоко и листала конспекты. Подняла на меня глаза:

— Ты чего такая? Что-то случилось?

— Пока нет, — бросила я, хватая полотенце и чистое белье. — Я в душ.

Я вылетела в коридор, не объясняя. Толкнула дверь женской душевой на нашем этаже. В помещении было тихо и пусто. Пахло сыростью, хлоркой и чьим-то забытым шампунем. Пять кабинок, все свободны. Я прошла в самую дальнюю, задернула шторку, скинула одежду и встала под горячую воду.

Горячую — специально. Чтобы распарить кожу, открыть поры. Взяла мочалку, намылила и принялась тереть запястья. Локти. Шею. Ключицы. Места, которых касался Дамиан. Кожа краснела, начинала гореть, но я не останавливалась.

— ...думаешь, она реально с ним?

Голоса снаружи. Я замерла, прислушиваясь.

— А запах? Ты чуяла? От нее так несет Северским, я чуть не обернулась прямо там.

— Может, просто рядом была?

— Я тебе говорю, он ее точно пометил.

Шаги. Много. Они вошли в душевую.

Я вжалась в угол кабинки, затаив дыхание. Сердце колотилось где-то в горле. Может, пройдут мимо? Не заметят?

Шаги стихли прямо у моей шторки.

— Выйди, — сказал первый голос. Холодный, уверенный. Не вопрос. Приказ.

Я медленно отодвинула край шторки.

Три фигуры. Девушки.оборотницы. Те самые, что вились вокруг Грея на аллее. Высокая блондинка с точеными скулами — кажется, ее звали Лера или Лара. Рыжая с волосами до пояса — та самая, что пыталась привлечь внимание Грея, проводя пальцем по его груди. И третья — невысокая, темненькая, с цепким взглядом, который, казалось, видел меня насквозь.

Сейчас они смотрели на меня, и в их глазах разгорался желтый огонь.

Блондинка шагнула вперед, втянула носом воздух. Ее лицо исказилось.

— Какого хрена от тебя несет Дамианом? — прошипела она.

Я попятилась, но уперлась спиной в холодный кафель. Го-

лая, мокрая, беззащитная.

— Ты кто такая? — рыжая приблизилась вплотную. — Северский и Долотон наши. Поняла? Наши. Мы их с первого курса пасем. Ни одна сука не имеет право к ним приближаться.

— Я ничего... — начала я, но договорить не успела.

Блондинка рванула вперед. Ее пальцы сомкнулись на моей шее с чудовищной силой, сдавили так, что я захрипела. И рванули вверх. Я взлетела над полом, болтаясь в воздухе, как тряпичная кукла. Ноги бешено дергались, я вцепилась в ее руку, пытаюсь ослабить хватку — бесполезно. Перед глазами поплыли темные пятна.

— Отвечай, мразь! — прорычала она прямо в лицо. От нее пахло дорогими духами и зверем.

Воздух кончался. Легкие горели.

— Он... просто... — прохрипела я, чувствуя, что теряю сознание. — Как и вы... хотел поиздеваться... ничего больше...

— Издевался? — рыжая усмехнулась, сверкнув глазами. — И как же? Рассказывай.

— Гонки... он просто...

— Ты нас за дур держишь? — блондинка слегка ослабила хватку, давая мне глотнуть воздуха, но не отпуская. Я повисла на ее руке, хватая ртом воздух. — Запах остается на теле, только если волк тебя пометил. Кончил в тебя! Или на тебя.

Меня затрясло. От унижения, от страха, от бессильной ярости.

— Не было такого! — выкрикнула я, срывая голос.

Блондинка замерла. Переглянулась с остальными.

— Тогда почему пахнет так, будто он тебя насквозь пропахал?

— Я не знаю! — я всхлипнула, чувствуя, как по щекам текут слезы.

Тишина. Такая плотная, что заложило уши.

Оборотница разжала пальцы, и я рухнула на холодный кафель. Удар пришелся на колени и локти, боль прострелила все тело, перед глазами вспыхнули искры.

— Прочитать ее, девочки? — лениво протянула рыжая.

— А то, — ответила темненькая.

Я попыталась встать, но чья-то нога врезалась в бок, опрокидывая обратно. Я свернулась клубком, закрывая голову руками, поджимая колени к животу. Удары посыпались градом — по спине, по бокам, по ногам. Я закусил губу до крови, чтобы не кричать, но всхлипы вырывались сами, смешиваясь с плеском воды.

— Чтоб знала свое место, человеческая мразота, — рыжая дышала тяжело, с хрипом.

— Чтобы даже смотреть не смела на наших парней, — добавила блондинка.

Я уже не понимала, кто именно бьет. Тело превратилось в сплошную боль. Я сжалась сильнее, пытаюсь защитить хотя бы живот и лицо.

А потом что-то изменилось.

Ледяной холод полоснул по спине, а следом — обжигающая, рвущая боль. Крик вырвался сам, дикий, нечеловеческий. Я дернулась, но меня прижали к полу.

Одна из них — я не видела кто — выпустила когти. Провела по спине, рассекая кожу от лопатки до поясницы.

Горячая кровь хлынула ручьем.

— Хватит, — голос темненькой остановил новый удар. — А то сдохнет раньше времени.

— Пустьдохнет, — рыжая пнула меня в бок. Я даже не вскрикнула — только всхлипнула.

— Сказала — хватит. Если Северский правда запал на нее, он устроит разнос. А нам проблемы не нужны.

Блондинка наклонилась, схватила меня за волосы, приподнимая голову. Я смотрела на нее мутными глазами, чувствуя, как кровь заливает спину.

— Еще раз подойдешь к нашим парням, — прошипела она, — и мы уже не будем такими нежными. Просто убьем тебя, и никто не спросит, почему сдохла какая-то человечка.

Я не могла ответить. Только смотрела на нее, чувствуя, как сознание уплывает.

Она отпустила волосы. Моя голова стукнулась о кафель.

Шаги. Смех. Хлопнула дверь.

Тишина.

Я лежала на холодном полу, и боль пульсировала в спине в такт сердцебиению. Кровь все текла — я чувствовала, как она собирается в теплую лужицу подо мной, смешиваясь с

водой.

Надо встать. Иначе умру прямо здесь.

Я попыталась пошевелиться — и застонала. Каждое движение отдавалось вспышкой агонии.

Встать. Ты сможешь.

Я приподнялась на локтях. Перед глазами плыло, тошнота подкатила к горлу. Опираясь на стену, подтянула колени, встала на четвереньки. Голова кружилась так, что мир ходил ходуном. Я зажмурилась, переждала приступ дурноты и поползла.

С каждым движением раны на спине открывались сильнее, но я смогла подняться на ноги и завернуться в полотенце. Оно мгновенно пропиталось кровью и прилипло к спине.

В комнату я ввалилась, когда ноги уже подкашивались.

Лена сидела за столом, что-то учила. Увидела меня — и побелела так, что веснушки проступили темными пятнами. Ее глаза расширились, рот открылся, а потом ее вывернуло. Прямо на пол, рядом со стулом.

Я прислонилась к косяку, чувствуя, как сползает полотенце, как кровь снова сочится сквозь ткань.

— Соберись, — голос прозвучал хрипло, чуждо. — Посмотри... надо зашивать или можно просто заклеить?

Лена подняла на меня глаза, полные ужаса. Ее трясло мелкой дрожью.

— Майя... Боже... Маечка... — забормотала она, зажимая рот рукой. — Кто? Кто это сделал?

— Потом. Сначала помоги.

Она приблизилась, сглатывая, зажимая нос, чтобы не чувствовать запах крови. Заглянула мне за спину — и ее моментально сковали позывы рвоты.

— Я не могу... — прошептала она, закрывая рот рукой.

— Май, я боюсь крови, я не смогу... Давай я позову кого-нибудь? Коменданта? Медсестру?

— Кого позовешь? — я почти засмеялась, но вышло страшно — булькающий, больной звук. — Чтобы они вызвали полицию? А потом эти твари придут добивать меня за стукачество? Нет.

— Но ты истекаешь кровью!

— Найди Грея.

Лена замерла. Уставилась на меня, на секунду забыв о фобии.

— Долотона? — переспросила она шепотом. — Того самого? Майя, ты с ума сошла. Он же...

— Он единственный, кто может меня защитить от этих сук, — перебила я. — И от Северского. Лена, пожалуйста. Ты сможешь.

— Но я не знаю, где его искать!

— В кампусе. Все знают, где тусуется Грей. Найди. Скажи, что Майе нужна помощь. Что меня чуть не убили. Он поймет.

— С чего ты взяла? Он же...

— Лена! — я схватила ее за руку, чувствуя, как силы ухо-

дят с каждой секундой. — Просто сделай это. Пожалуйста.

Она смотрела на меня, и в ее глазах плескался животный ужас. Но потом она кивнула. Резко, отрывисто.

И вылетела за дверь, даже не переодевшись.

Я осталась одна. Привалилась спиной к стене — и зашипела от боли. Сползла на пол, прижимая к себе окровавленное полотенце. В комнате было тихо, только часы на стене мерно тикали, отсчитывая секунды моей жизни.

Я закрыла глаза. И провалилась в темноту.

Глава 11.2 Союзники

Сознание возвращалось рывками.

Сначала запах. Чужой, почти незнакомый. Древесный, горьковатый, с нотками холодного ветра. Не духи — естественный, въевшийся в каждую вещь, в стены, в воздух. Запах хищника.

Потом темнота. Я открыла глаза и засомневалась, открыла ли — вокруг по-прежнему царила чернота.

Где я?

Тело казалось чужим. Спина горела, но это было далекое, приглушенное пламя. Кто-то обработал раны — я чувствовала прохладу мази и тугое бинтование. Подо мной была мягкая постель, пахнувшая свежим бельем и тем самым древесным запахом.

— Очухалась? — голос донесся из дальнего угла.

Я повернула голову. В кресле, в дальнем углу комнаты, угадывался мужской силуэт. И глаза — они светились в темноте серебром. Холодным, пугающим, нечеловеческим.

Грей.

— Зачем так пугать? — прошептала я пересохшими губами.

Он молчал. Долго, очень долго. А потом поднялся — медленно, бесшумно, по-звериному плавно. Подошел к кровати, сел на край. Серебряное свечение его глаз приблизилось, и я

наконец смогла разглядеть лицо. Острое, хищное, красивое той опасной красотой, от которой по коже бегут мурашки. Сейчас в нем не было ни капли той ленивой расслабленности, что я видела на аллее. Только холодная, расчетливая настороженность.

— Да ты, судя по всему, пуганая уже, — произнес он ровно, без эмоций. — Раз связалась с Северским. Потом полезла ко мне. Была побита его бывшими подстилками. И чуть не истекла кровью у себя в комнате.

Каждое слово летело в меня, как камень. В груди защемило, к глазам подступили слезы. Не от боли — от обиды. От чудовищной несправедливости всего этого.

— Да разве я хочу всего этого? — голос дрогнул, сорвался на всхлип. Я ненавидела себя за эту слабость, но не могла сдерживать слез. Они текли по вискам в подушку, и я даже не вытирала их. — Я просто приехала учиться. Я хотела проектировать мосты. А теперь... теперь я даже не знаю, доживу ли до утра.

Грей молчал. Просто смотрел на меня своим сосредоточенным взглядом, и я не могла понять, о чем он думает. Сострадание? Нет, в нем не было сострадания. Любопытство? Возможно. Расчет? Скорее всего.

— Помоги мне вернуться домой, — прошептала я. — Пожалуйста.

Тишина. Густая, тяжелая, давящая.

— И что мне за это будет? — спросил он наконец. — Ты

и так уже должна мне. Твоя подружка прибежала в истерике, едва смогла связать пару слов. Пришлось тащить тебя сюда, тратить ресурсы, рисковать.

— Вы же враждуете с Дамианом, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал тверже. Каждая клеточка меня уже бесконечно устала, но я заставила себя говорить. — Если у него не будет истинной... это же сделает его слабее? Уязвимее?

Грей усмехнулся. Коротко, безрадостно.

— Самая умная, да? — в его голосе скользнула насмешка. — Думаешь, это так работает? В любом случае, мне тогда проще было добить тебя. Или забрать сюда и дать умереть от потери крови. Никто бы и не узнал.

— Нет, — выдохнула я. — Не мог. Он бы тогда разорвал каждого причастного. Не разбираясь.

В комнате повисла тишина. Грей смотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то... удивление? Согласие?

— Продолжаешь удивлять, — произнес он тихо. И после паузы добавил: — Хорошо. Будешь со мной, пока Северский не начнет ошибаться. А потом отправлю тебя домой.

Я приподнялась на локтях, забыв о боли в спине.

— И...

— Мне придется пометить тебя, — перебил он. — Тебя не тронут, если я объявлю тебя своей. Временной собственностью. Будешь ходить за мной, делать, что скажу. Имитировать, мою новую игрушку.

В груди похолодело.

— Мне нужны точные сроки, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Сколько?

— Правила здесь устанавливаю я, — отрезал Грей. В его голосе зазвенел металл. — Не нравятся условия — встала и пошла отсюда. Прямо сейчас. Дверь открыта.

Я смотрела на серебряное свечение его глаз и понимала: выбора нет. Совсем. Либо он, и тогда есть шанс выжить и выбраться. Либо Дамиан, и тогда... тогда я навсегда застряну в этой жизни полной унижений.

— Хорошо, — прошептала я.

Опустилась обратно на подушку. Отвернулась к противоположной стене, свернувшись клубком, насколько позволяла перевязанная спина.

— Умница. Раскрою тебе секрет, сейчас ты пахнешь собой. И я уверен, что первый встретившийся оборотень трахнул бы тебя в подворотне, не спросив даже имени.

Я сжалась в комок. Не хотела продолжать диалог, решение уже принято. И его не изменить.

Я не спала. Просто лежала с закрытыми глазами, слушая тишину, чувствуя его присутствие там, за спиной. Он не ушел. Всю ночь просидел в том кресле, и я точно знала — волчара не спускал с меня глаз ни на секунду. Сторожил свою новую игрушку.

Стоило немного расслабиться, перестать контролировать разум, как перед внутренним взором появлялись две пары глаз.

Янтарные. Жадные. Голодные. Дамиана.

И серые. Холодные. Пустые. Грея.

Два хищника. И я — маленькая человечка, зажатая между ними.

Вопрос только в том, правильно ли я выбрала союзника.

Глава 12. Попал по полной

Сор

Сейчас сижу на лавочке напротив женского общежития и чувствую себя сталкером хреновым.

Утро только началось, солнце лениво выползает из-за крыш, а я уже здесь. Выслеживаю девчонку, о которой знаю только имя. Ни фото, ни нормального описания.

Я втягиваю носом воздух, пытаюсь уловить знакомый аромат озона и соли. Вокруг снуют студентки, пахнет кофе, шампунем, утренней свежестью. Но Дамиан... его запах витает в воздухе, но слишком размыто. Он же здесь учится, понятно, что его след остаётся везде.

Но если на ней его метка — она должна выделяться.

Проходит час. Другой. Солнце поднимается выше, становится жарко. Я начинаю злиться. Где эта чертова Майя?

И тут дверь общежития открывается.

Из здания выходит девушка. Худая, тёмные волосы собраны в небрежный пучок, одета в простые джинсы и серый свитер. Лицо бледное, под глазами тени. Она идёт быстро, почти бежит, низко опустив голову.

Я вскакиваю. Делаю шаг вперёд, втягиваю воздух — и чувствую.

Поверх всех запахов бьёт тяжёлый, удушливый шлейф Дамиана. Озон, соль, власть. Густой, как смог. Он на ней, въел-

ся в волосы, в одежду, в кожу.

Это она. Майя. Та самая.

Я смотрю ей вслед, пока она не скрывается за поворотом к учебным корпусам. Сердце колотится где-то в горле. Я её нашёл. Запомнил лицо, впитал в себя этот запах Дамиана, которым она пропитана. Теперь я её в любой толпе учую.

Я выдыхаю. Сажусь обратно. Чувствую, как напряжение отпускает. Ну всё, теперь я её не упущу.

Нужно бы узнать о ней побольше, чтобы вечером подойти и не спугнуть. Я оглядываюсь, замечаю неподалёку группу студентов, трущихся у входа. Подхожу, завожу разговор ни о чём, а сам нет-нет да и вбрасываю вопросы про новеньких на архитектуре. Парень с рыжими патлами, человек, лопочет что-то про странную девчонку с тёмными волосами, которая поселилась в триста седьмой комнате. Соседка у неё — Лена, тихая, вечно испуганная.

Лена. Запомнил.

До обеда я крутился возле общежития, делая вид, что просто отдыхаю. Обнаружил ту самую Лену, когда она выходила в магазин. Худенькая блондинка, глаза на мокром месте. Такая и мухи не обидит. Хорошо, хоть знаю в лицо ее теперь.

Ближе к двум я снова занял позицию у крыльца. Если верить расписанию, у Майи пары до двух. Значит, скоро должна вернуться.

И правда. Где-то в начале второго дверь корпуса распахнулась, и она вылетела оттуда как ошпаренная. Я даже не

успел моргнуть — она уже заскочила в общагу. От неё разило Дамианом так, что у меня самого ноздри защипало.

Я нахмурился. Странная она какая-то. Напуганная? Или просто спешит? Ладно, вечером разберёмся.

И тут звонит телефон.

— Сор, ты где? — голос Рябого, второго бэты. — Наши только что засекли волков Долотона у восточной границы. Собираются наезжать, надо обсудить план, пока не поздно.

Я смотрю на общежитие, потом на часы. Чёрт. Если я уеду, могу пропустить её выход. Но если стычка начнётся без подготовки, мы потеряем людей. Дамиан мне этого не простит.

— Буду через двадцать минут, — бросаю я и срываюсь с места.

Гоню тачку к месту встречи. Мы быстро перетираем ситуацию, расставляем людей, намечаем пути отхода. Стычка назревает серьёзная — если Грей решил надавить, пока Дамиана нет, нужно быть готовыми ко всему.

Укладываемся в сорок минут. Я выдыхаю, сажусь в машину и гоню обратно в кампус. Всю дорогу грызу себя: «Только бы она ещё не вышла. Только бы успеть».

Паркуюсь на стоянке, буквально вываливаюсь из тачки и быстрым шагом направляюсь к привычной скамейке напротив общаги. Солнце всё ещё высоко, часа четыре, не больше. Я прохожу мимо кустов, выхожу на дорожку — и замираю.

У торца здания, со стороны запасного выхода, творится

какая-то хрень.

Чёрный минивэн, урча двигателем, медленно выкруливает прямо по газону, сминая аккуратные кусты. Колеса взрывают гравий, высекая искры, машина разворачивается и замирает в ста метрах от меня.

Из запасной двери вылетает высокая фигура. Грей. На руках он несёт девушку, закутанную в большое клетчатое одеяло. Тёмные волосы безжизненно свисают вниз, лицо бледное, почти белое. Разбитая губа, синяки. И кровь. Она пропитала одеяло, тяжёлыми каплями падает на асфальт, оставляя тёмные пятна.

Запах Дамиана на ней бьёт в ноздри так сильно, что у меня самого скулы сводит. И поверх — удушливый, тошнотворный запах крови. Её крови.

Майя.

Меня простреливает ледяной молнией. Если бы я не уехал на эти проклятые сорок минут, если бы остался здесь — может, успел бы помешать. А теперь...

Я срываюсь с места и несусь к ним, орать начинаю ещё на бегу:

— Грей, твою мать, руки убрал! Стоять!

Он даже не смотрит в мою сторону. Водитель уже распахнул заднюю дверь минивэна. Грей быстро, но бережно забирается внутрь с Майей на руках, так и не опуская её на сиденье. Дверца захлопывается. Мотор ревет.

Я бегу изо всех сил, пытаюсь ускориться, вызываю зве-

ря — и тут же натываюсь на невидимую стену. Глушилки. Проклятые кампусные глушилки, которые не дают полностью обернуться. Можно только частично — когти выпустить, скорость чуть увеличить, но догнать тачку нереально в человеческом облиии.

Минивэн срывается с места, пролетает по газону, потом на дорожку и исчезает за воротами. Я бегу за ним, ору, машу руками — бесполезно.

Останавливаюсь, хватая ртом воздух. Сердце колотится где-то в горле, перед глазами всё плывёт.

Грей увёз её. Увёз истинную Дамиана. Прямо у меня из-под носа.

Я стою, сжимая кулаки до хруста. В голове проносится всё: как я торчал здесь полдня, как уехал на сорок минут, как не успел. Злость на себя захлёстывает, но я давлу её. Нет времени раскисать.

Дамиан на задании. Двое суток он будет недоступен. Если я не верну Майю за это время, начнётся война. Грей не просто так её забрал. Он знает, кто она для Дамиана. И он использует это.

Я достаю телефон, набираю первый номер из списка своих контактов.

— Макс, есть дело. Пробыть адреса Долотона. Все, где он может держать человека. Срочно.

— Что случилось? — голос Макса напряжённый.

— Он украл истинную Дамиана. Нам нужно вернуть её

до того, как Северский вернётся. Иначе кланы порежут друг друга.

Тишина. Потом короткое:

— Понял. Работаем.

— И ещё, — добавляю я, глядя на тёмные пятна крови на асфальте. — Узнай, кто сегодня трогал человечку с архитектуры. Майю. Кто-то избил её. Найди этих сук. Уровень приоритета 2.

Отключаюсь и смотрю на небо. Солнце ещё высоко, день в самом разгаре.

Но времени катастрофически мало.

Я должен вернуть ее. И тех, кто поднял на неё руку, лично притащить к Дамиану.

Только бы успеть.

Глава 13. Покой

Грэй

Врачи ушли два часа назад.

Я сижу в кресле в углу спальни и смотрю, как она спит. Свет от фонарей ложится полосами на кровать, на её лицо. Бледное, измученное. Под глазами тени.

Она не кричала, когда её зашивали. Ни звука. Только сжала угол подушки и губу закусил до крови. Я внимательно наблюдал за ее реакцией. Даже оборотни, с ускоренной регенерацией, взвыли бы. А эта человечка терпела. Интересно, сколько еще она сможет вынести?

Я привёз её сюда, потому что это самая близкая точка к больнице, из доступных мне. В моём доме нет гостевых комнат. Только гостиная и моя спальня. Я никого сюда не впускал.

Никогда.

Ни женщин, ни подчиненных. Здесь пахло только мной. До этой ночи.

Теперь здесь пахнет ею. Кровью, антисептиком и чем-то ещё, от чего внутри всё переворачивается.

Встаю. Подхожу. Смотрю сверху.

Худая, маленькая, руки в синяках — сплошной кровоподтёк от пальцев до локтей. На спине швы, которые будут заживать неделями. Ей повезло, что когти не задели позвоноч-

ник.

Наклоняюсь. Медленно, чтобы не разбудить. Втягиваю воздух.

Чистый запах. Без Северского. Наконец-то.

И меня накрывает.

Это не похоть. Не голод зверя. Это... будто внутри разжался комок, сгусток напряжения, который я накапливал годами. Как скомканный лист бумаги снова стал ровным.

Закрываю глаза и проваливаюсь. Лето. Бабушкин сад. Иришка бежит по дорожкам, смеётся, просит подождать. Она была единственной, кому я верил. Кого любил просто за то, что она есть.

Потом авария. Пьяный водитель, лобовое столкновение. Родители с сестрой уехали без меня и не вернулись.

После этого я сталкивался только с корыстью. Каждый, кто подходил, хотел покровительства или денег. Никто не интересовался мной. Я был только проводником к желаемому.

Открываю глаза. Смотрю на неё. Девчонка пришла ко мне, потому что я её единственный шанс выжить. Обычный расчёт.

Но пахнет она так, что хочется лечь рядом, вдыхать аромат снова и снова. Хочется расслабиться, насладиться тишиной и покоем.

Точно. Она мой покой. Такая непредсказуемая, стойкая, такая честная и открытая.

Сажусь обратно в кресло. Тру лицо.

Вставать между Северским и его истинной — самоубийство. Это война на уничтожение. Сначала я хотел позлить Дамиана, думал, девчонка сама сбежит от меня. *Но вместо этого я привёз её сюда. В своё логово.*

А она осталась.

Просыпаюсь от грохота.

Вскакиваю. В спальне серо — предрассветные сумерки. Майя дёргается, открывает глаза, пытается сесть и застывает, скорее от простреливающей боли.

— Лежи.

На экране домофона — Сор. Бывший друг, теперь цепной пёс Северского. Ломится в дверь.

Открываю. Он влетает внутрь, чуть не сбив. Глаза горят, клыки прорезались.

— Где она?

Молчу.

Он обследует гостиную, бегло осматривает кухню. А дальше вваливается в спальню. Иду за ним.

Шавка Северского замирает у кровати. Майя завернулась в одеяло с головой, изображая миниатюрный комок.

— Так вот ты какая, — голос срывается. — Дам уехал, а ты переметнулась. Вставай. Пора вернуть тебя на базу.

Он тянет руку к одеялу с намерением сорвать его.

Я оказываюсь рядом раньше, чем он успевает моргнуть.

Перехватываю запястье. Сжимаю до хруста.

— Убери руку. Ты здесь только потому, что я позволил.

Сор скалится, пытается вырваться. Дышит тяжело.

— Пусть покажется!

— Майя. Поговори с ним.

Тишина. Потом она откидывает одеяло.

Сор застывает. Я вижу, как расширяются его зрачки. Как сбивается дыхание. Да-да, посмотри на ее руки, остальное тело выглядит не лучше, придуток.

— Ты работаешь на Дамиана? — голос тихий, спокойный.

Сор сглатывает. Кивает.

— Да. Я Сор, — мнётся, переваривая увиденное. — Дамиан вернётся завтра вечером. Тебе лучше дождаться его в особняке.

— Наклонись, пожалуйста, — она смотрит на него с какой-то странной нежностью.

— Мне нужно кое-что тебе сказать.

Сор наклоняется.

Я смотрю и не вмешиваюсь. Потому что уже знаю: эта девочка просто так милой не бывает.

Она тянется к его лицу и облизывает его. Смачно. Медленно. От подбородка до виска.

Сора подбрасывает.

У него мгновенный полуоборот — шерсть на скулах, челюсть вытягивается, глаза загораются жёлтым. Его трясёт, он мотает головой, трёт щеку, будто она обожжена кислотой.

Срывается в ванную.

Оттуда сразу — шум воды. Он смывает. И смывает. И смывает.

Я смотрю на закрытую дверь, потом на Майю.

И не выдерживаю.

Смех вырывается сам. Короткий, хриплый, почти злой — но это смех. Настоящий.

— Откуда узнала? — спрашиваю, когда он затихает.

— Ты выронил телефон прямо на кровать, — она смотрит спокойно. — Там была открыта переписка про клятву Сора.

Я замираю. Телефон. Точно. Из последнего я проверял досье на людей Северского.

— Я не разрешал тебе брать мои вещи.

Она надувает губы. Молчит.

А провернула идеально. Сор под клятвой верности Альфе и не может иметь ничего общего с его истинной. Любой контакт воспринимается его волком как предательство. Теперь от него разит её запахом. Въевшимся, липким. Его зверь сходит с ума. И этот запах не выветрится до завтра.

Сор вылетает из ванной — мокрый, бешеный, до сих пор в полуобороте. Глаза бешеные, руки трясутся.

— Ты! — на меня. — Специально!

— Вали.

Подхожу, хватаю за шкурку и вышвыриваю за порог. Дверь захлопывается. Тишина.

Возвращаюсь в спальню.

Майя привстала на локтях, оборачивается на меня. Смотрит снизу вверх — настороженно и с любопытством.

— Давай ещё поспим? — голос невинный, почти детский.

Смотрю на неё. На синяки, на бледность, на эту её дурацкую смелость.

— Спи.

Выхожу в гостиную. Сажусь у окна. Смотрю на светлеющее небо.

Она не просит защиты — она предлагает сделку. Она не жалуется — она действует.

Она...

Пахнет... домом.

Яблоки и мята. Тёплый, родной запах.

Теперь он здесь.

Северский вернётся завтра. И он обязательно явится за ней.

Котики! Обнимаю крепко!

Я не показывала вам визуалы, ловите:

Глава 14. Обычный вечер

От Автора: ми-ми-ми! Спасибо за покупку подписки! Отправляю лучи любви <3

Майя

Сон был моим единственным спасением. Лечебным. Он накрывал меня с головой, позволяя выстроить стену между собой и реальностью. Обычно я — жаворонок, привыкшая вскакивать с первыми лучами, но сейчас я готова была спать вечно. Лишь бы не чувствовать, как ноет изрезанная спина. Лишь бы не думать о том, во что превратилась моя жизнь.

В полусне я возвращалась в то лето. Помню запах свежего конверта — письмо о зачислении. Тогда внутри колья

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.